

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей хрестоматия имеет своей целью ознакомить иностранных слушателей подготовительного отделения БГПУ с русской литературой и тем самым расширить их представления о русской культуре, улучшить знание русского языка и навыки устной речи.

В хрестоматии представлен строго отобранный материал, как теоретического, так и практического характера, выдержана композиционная чёткость разделов в сочетании с единой формой подачи историко-литературных сведений.

Основной учебный материал в книге разбит на разделы, каждый из которых в краткой форме излагает сведения о различных этапах развития русской литературы. Лаконичность изложения теоретических сведений позволяет преподавателю, исходя из степени подготовки слушателей, свободно пользоваться предлагаемым материалом, либо насыщая его дополнительными фактами, либо, напротив, сокращая.

Хрестоматия включает полные тексты ключевых произведений разных литературных эпох, дополненные биографиями писателей и поэтов. В издание вошли произведения Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, а также «Слово о полку Игореве» (в переводе Н. Заболоцкого) и русские народные сказки, загадки, поговорки, пословицы и скороговорки.

Представленные в хрестоматии тексты позволяют преподавателю творчески организовать учебный процесс, используя различные виды учебной деятельности: выразительное чтение, аудирование, заучивание наизусть, беседа по прочитанному материалу и т.д.

В конце хрестоматии помещён краткий литературоведческий словарь, включающий основные термины и понятия из области теории литературы. Словарь составлен в алфавитном порядке, что облегчает поиск нужной информации.

Также в конце хрестоматии расположены составленные в виде тестов задания для самоконтроля, позволяющие слушателям самостоятельно проверить полученные ими знания и степень их усвоенности.

Автор выражает глубокую признательность рецензентам: кандидату филологических наук, доценту кафедры русского языка как иностранного БГУКИ Л.М. Надумович; кандидату филологических наук, доценту, заведующей кафедрой белорусской литературы и культуры БГПУ И.Н. Говзич.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Фольклор — народное творчество, чаще всего именно устное; художественная коллективная творческая деятельность народа, которая отражает его жизнь, воззрения, идеалы, принципы и бытует (существует) в народных массах: поэзия (предание, песня, частушка, анекдот, сказка, эпос), народная музыка (песни, инструментальные наигрыши и пьесы), театр (драмы, сатирические пьесы, театр кукол), танец, архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Фольклор, как и литература, искусство слова. Он представлен обрядовой и внеобрядовой поэзией. Обрядовая поэзия включает в себя календарную (зимний, весенний, летний, осенний циклы) и семейно-бытовую (родильная, свадебная, похоронная; заговоры) поэзию. Внеобрядовая поэзия отличается большим жанровым разнообразием: эпические прозаические жанры (сказки, предания, легенды); эпические стихотворные жанры (былины; исторические песни, балладные песни); лирические стихотворные жанры (социальные песни, любовные песни, семейные песни). Также выделяют так называемые малые лирические жанры (частушки, припевки), малые нелирические жанры (пословицы, поговорки, загадки) и драму (ряжения, игры, хороводы; сцены и пьесы).

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ.

Сюжеты и образы колыбельных песен взяты из окружающего ребёнка мира и овеяны сказочностью. Это СОН, ДРЁМА, что ходят по улицам, желая усыпить малыша. Это нежный кот-баюн, гуляки, баюкающие своим воркованьем, ласточки-касаточки, соколы, куницы, лисички, что спят по гнёздышкам, по норочкам, под кустиком. Каждая няня варьирует эти сюжеты и образы по-своему, перемежая их с раздумьями о настоящем и будущем ребёнка. Поэтому личные эмоции нестующих окраивают все элементы поэтики колыбельных песен - её ритмы, так мастерски передающие тихое и мерное покачивание люльки, язык, насыщенный более, чем любой другой фольклорный жанр, ласкательными формами (дитя здесь всегда «милое», «хорошее», «пригожее»).

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю:
Придёт серенький волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во лесок,
Под ракитовый кусток;
Там птички поют,
Тебе спать не дадут.

Ночь пришла,
Темноту привела,
Задремал петушок,
Запел сверчок.
Вышла маменька,

Закрыла ставеньку.

Засыпай,
Баю-бай.

Уж ты, котинька-коток,
уж ты, серенький бочок,
Приди, котя, ночевать,
Мою детку покачать,
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу:

Дам кувшин молока
Да кусок пирога.

Баю-баюшки-баю!
Во лазоревом краю

Солнце село,
Скрылось прочь,
День угас, настала ночь.
Тишина в лугах, в лесах,
Звёзды ходят в небесах,
И дудит им во рожок
Тихий месяц-пастушок.
Он дудит, дудит, играет,
Складно песню напевает,
Да негромкая она,

Только звёздам и слышна.
Только звёздам, только ночке
В синей сини над селом...
А для нашего сыночка
Сами песню мы споём.
Мы сыночка покачаем
Под припевочку свою:
В ней начало: «Баю-баю!»
А конец: «Баю-баю!»

ЗАГАДКИ

Загадка - жанр устного народного творчества: иносказательное описание предмета или явления, которые нужно отгадать, например: «Не лает, не кусает, а в дом не пускает» (замок).

Сверху кожа, снизу то же,
А в середине пусто (Барабан).

К реке идут — поют,
Назад идут — плачут (Вёдра).

В году у дедушки четыре имени
(Весна, Лето, Осень, Зима).

Рук и ног у него нет,
А всех трясёт и качает (Ветер).

Идёт, идёт,
До берега дойдёт — исчезнет (Волна).

Никого не обижает,
А её все толкуют (Дверь).

Нас семь братьев.
Летами мы равны.
А именами разны (Дни недели).

Меня ждут не дождутся.
А как увидят — разбегутся (Дождь).

Чего дороже на свете нет? (Друга)

Золотой телёнок
На привязи толстеет (Дыня).

Чёрненька собачка, свернувшись
лежит;
Не лает, не кусает.
А в дом не пускает (Замок).

Тридцать два молотят,
Один поворачивает (Зубы и язык).

Сама маленькая, тоненькая,
Коса длинная (Иголка с ниткой).

Целый табун лошадей
На одной привязи (Кисть винограда).

Маленько, кругленько,
А за хвост не поднять (Клубок).

Что это за дорога:
Кто по ней идёт,
Тот хромает? (Лестница).

Молода — похожа на серп,
Поживёт — станет, как лепёшка
(Месяц и луна).

Деревянная шея,
Железный клюв,
Кричит: «тук—тук—тук!» (Молоток).

Огромное поле: копать его нельзя,
Камней на нём не счесть (Небо и
Звёзды).

Без рук, без ног — лапшу крошит
(Нож).

На юге она и темна, и черна.
На севере белой бывает она (Ночь).

Всё ест — не наедается,
А попьёт — умирает (Огонь).

Какая одежда без рукавов? (Одеяло)

В нарядной одежде,
А ходит босой (Павлин).

Пять амбарушек, одни ворота
(Перчатка).

Куда мне угодно,
Туда полечу,
Там и заговорю (Письмо).

Красненький петушок по улице бежит
(Пожар).

Бежала — шумела,
Заснула — заблестела (Река).

Вокруг проруби сидят белые голуби
(Рот и зубы).

Есть голова, да нет волос,
Есть глаза, да нет бровей,
Есть крылья, да не летает (Рыба).

Стоит столбом, горит огнем;
Ни жару, ни пару, ни угольев (Свеча).

Идёт, а ног нет,
Лежит, а постели нет,
Лёгкий, а крыши ломит (Снег).

От одного очага весь свет греется
(Солнце).

На четырёх парней
Одна шапка надета (Стол).

Идёт по соломе — не шуршит,
Идёт по воде — не тонет,
Идёт по огню — не горит (Тень).

Нахмурится, насупится,
Его слёзы ударится — ничего не
останется (Туча).

С одной стороны лес,
С другой — поле (Шуба).

Белым цветёт,
Зелёным висит,
Красным падает (Яблоко).

Пробил я стенку — увидел серебро;
Пробил серебро — увидел золото
(Яйцо).

ПОСЛОВИЦЫ

Пословица – малый жанр устного народного творчества, вошедшая в речевой оборот форма изречения, укладывающаяся в одно логически законченное предложение; афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом и ритмически организованной формой.

Всякому молодцу ремесло к лицу

Каков сад, таковы и яблоки

Больше дела – меньше слов.

В мелких словах и большое дело
утопить можно.

Маленькое дело лучше большого
безделья.

Крут бережок, да рыбка хороша.

Что трудно даётся, то сердцу навсегда мило; что легко, с тем расставание лёгкое.

Лучше сидеть сложа руки, чем делать спустя рукава.

Азбука - к мудрости ступенька.

Не учи безделью, учи рукоделью.

Чему Ваня не научился, того Иван не выучит.

Болтливому молчание в тягость.

Русская пословица ко всему пригодится.

Доброе слово дом построит, а злое слово дом разрушит.

Конь вырвется – догонишь, а сказанного слова не воротишь.

Дружба не гриб - в лесу не найдёшь.

Без любви, как без солнышка, нельзя прожить.

Не спесь красит человека, а простота.

Простота, чистота, правота – наилучшая красота.

Терпение – цветок, который растёт не в каждом саду.

Дети что цветы: уход любят.

Маленькие дети тяжелы на коленях, а большие на сердце.

Высоко голову несёшь – споткнёшься да упадёшь.

Не тот болен, кто лежит, а тот, кто над болью сидит.

Вода не замутит ума.

На окошке грибы не растут.

Невелик кусок пирога, а стоит много труда.

Всякому нужен и обед, и ужин.

Дерево скоро сдят, да не скоро от него плоды едят.

Стар пёс, да верно служит.

Маль синичка, да коготок востёр.

Знать сокола по полёту, а сову – по подьёму.

Не растёт лопух выше ясеня, не летит петух выше ястреба.

Каков век, таков и человек.

Дубовую рощу ветер не свалит.

Гроза бьёт по высокому дереву.

Из большой тучи, да малая капля.

Сколько волка ни корми, всё равно в лес смотрит.

ПОГОВОРКИ

Поговорка — словосочетание, оборот речи, отражающий какое-либо явление жизни, один из малых жанров фольклора. Часто имеет юмористический характер. Поговорка, в отличие от пословицы, не содержит обобщающий поучительный смысл и не является законченным предложением.

Красна, как маков цвет.

Оборист, как корова на льду.

Ходит насмешником, прыгает козлом.

Дошёл до белого каления.

Не душа, а только ручка от ковша.

На стенку лезет.

На лице - медок, на сердце – ледок.

Не в бровь, а в глаз.

Переливать из пустого в порожнее.

Гол, как сокол, а остёр, как бритва.

СКороГОВОРКИ

Скороговорка - жанр устного народного творчества, специально подобранная фраза с трудно выговариваемым подбором звуков, быстро произносимая шуточная поговорка.

Ал лал¹, бел алмаз, зелен изумруд.

Купи кипу пик.

Шли сорок мышей, нашли сорок грошей; две мыши поплоче несли по два гроша.

Летят три пичужки через три пустых избушки.

Свинья тупорыла, белорыла, весь двор перерыла, вырыла полрыла, до норы не дорыла.

На дворе растёт трава, на траве стоят дрова. Не руби дрова: на траве двора.

Архип осип, Осип охрип.

Наш Полкан попал в капкан.

Добр бобр до бобрят.

Носит Сенья в сени сено, спать на сене будет Сеня.

Вбили кол в частокол, подприколошматили.

Оса на ноги боса и без пояса.

Вожжи из кожи в хомут вхожи.

От топота копыт пыль по полю летит.

В пруду у Поликарпа — три карася, три карпа.

Пекарь пек пироги в печи.

Гроза грозна, грозна гроза

Перепёлка перепелят прятала от ребят.

Добры бобры идут в боры.

Пошла Поля полоть в поле.

Дровоколорубы рубили дубы.

Пришёл Прокоп — кипит укроп, ушёл Прокоп — кипит укроп. И при Прокопе кипит укроп, и без Прокопа кипит укроп.

Грабли — грести, метла — мести, вёсла — везти, полозья — ползти.

Проворонила ворона воронёнка.

Евсей, Евсей, муку просей, а просеешь муку — испеки в печи калачи да мечи на стол горячи.

Стоит копна с подприкопёночком, а под копной перепёлка с перепелёночком.

Идет с козой косою козёл.

У Саши в каше сыворотка из-под простокваши.

Колотил Клим в один блин клин.

Хитрую сороку поймать морока, а сорок сорок — сорок морок.

¹ Лал (устар.)- рубин.

СКАЗКИ

Фольклорная сказка — этический жанр письменного и устного народного творчества: прозаический устный рассказ о вымышленных событиях. Фольклорная сказка имеет свою специфику: тексты её строятся с помощью традиционных шаблонов: сказочных формул — ритмизованных прозаических фраз («Жили-были...», «В некотором царстве, в некотором государстве...», «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало», «Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок» и т.д.) и «сквозных сюжетов» — переходящих из текста в текст эпизодов (приход Ивана-царевича к Бабе-Яге, бой с Кощеём Бессмертным и т.д.). Для любой фольклорной сказки, в том числе и русской, характерны устность, коллективность, анонимность. Существует 3 основных вида сказки: сказки о животных, волшебные сказки и бытовые (сатирико-бытовые) сказки. Сказки о животных составляют десятую часть всего русского сказочного репертуара и насчитывают около 50 (пятидесяти) сюжетов. Сказкам о животных свойственна образность и стремление запечатлеть реальный облик зверей. Волшебные сказки занимают одну пятую часть русского сказочного фольклора, насчитывая около 150 (ста пятидесяти) сюжетов. В волшебных сказках создаётся особый сказочный мир, особый тип сказочного героя — идеального носителя надежд и стремлений народа. В бытовой (сатирико-бытовой) сказке действие происходит в реальной бытовой обстановке русской деревни. В бытовой сказке отсутствует волшебство. Её положительный герой (крестьянин, батрак, солдат) побеждает врагов (царя, барина, купца, попа) благодаря своему уму.

МЕДВЕДЬ И СОБАКА

Жили-были мужик да баба. Была у них собака верная. Смолоду сторожила она дом, а как пришла старость, так и орехать перестала.

Надоела она мужику. Вот он взял веревку, зацепил собаку за шею и повёл в лес. Привёл к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут горькие слезы, стало ему жалко.

Отпустил мужик собаку, а сам отправился домой.

Остался пес в лесу. Лежит под деревом голодный и проклинает собачью долю.

Вдруг идёт медведь:

-Что ты лес здесь улегся?

-Хозяин меня прогнал.

-А что, пес, хочется тебе есть?

-Ещё как хочется-то!

-Ну, пойдём со мной, я тебя накормлю.

Вот они и пошли. Попадается им навстречу жеребец.

Медведь схватил жеребца. Жеребец упал. Медведь разорвал его и говорит собаке:

-На, ешь, сколько хочешь, а как съешь всё, приходи ко мне.

Живёт собака, ни о чем не тужит. А как всё съела да опять проголодалась, побежала к медведю.

-Ну что, брат, съел жеребца?

-Съел, опять приходится голодать.

-Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?

-Знаю!

-Тогда пойдем, я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу ребёнка, а ты догоняй меня да отнимай. Как отнимешь, отнеси хозяйке. Она за то станет тебя по-старому кормить.

Вот прибежал медведь на ниву, где бабы жнут, и унёс ребенка.

Ребёнок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли, не могли догнать, так и воротились. Мать плачет, бабы тужат.

Откуда ни возьмись, прибежал пёс, догнал медведя, отнял ребенка и несёт его назад.

-Смотрите, — говорят бабы, — пёс-то отнял ребенка!

Мать уж так рада-радешенька.

-Теперь, — говорит, — я этого пса ни за что не покину!

Привела собаку домой, налила молока, накрошила хлеба:

-На, покушай!

А мужику говорит:

-Вот, муженёк, эту собаку надо беречь да кормить: она нашего ребёнка у медведя отняла.

Поправился пёс, отъелся и живёт припеваючи. Стал он медведю первый друг.

Один раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришёл к собаке в гости.

-Здорово, пёс! Ну, как поживаешь — хлеб поедешь?

-Слава богу, — отвечает пёс, — не жидьё, а масленица! Чем же тебя потчевать? Пойдём в избу, хозяева загуляли не увидят. Только ты войдёшь — поскорее лезь под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать.

Ладно, забрался медведь в избу — под печку.

Собака видит, что гости и хозяева порядком развеселились, — и ну таскать со стола, угощать приятеля.

Медведь выпил стакан, выпил другой — и разобрало его. Гости затянули песни. И медведь стал свою песню заводить.

Собака его уговаривает:

-Не пой, а то беда будет.

Куда! Медведь не утикает, а всё громче заводит песню.

Гости услышали вой под печью, схватили колья и давай медведя по бокам охаживать.

Насилу медведь вырвался, убежал.

Вот тебе и сходил в гости!

ФИНИСТ-ЯСНЫЙ СОКОЛ

Жил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу — в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

-Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Всё-то она умеет, всё-то у нее ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растёт. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сёстры ее завидующие да жадные; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы — весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им — не платье, сапожки — не сапожки, платок — не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

-Что вам, дочки купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

-Купи по полушалку, да такому, чтоб цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает ее отец:

-А что тебе, доченька, купить?

-Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста-ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а пёрышка не нашёл.

Поехал отец в другой раз на базар.

-Ну, — говорит, — дочки, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочки:

-Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

-Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста-ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а пёрышка не нашёл. Приехал без пёрышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочки говорят:

-Купи нам по платью.

А Марьюшка опять просит:

-Батюшка, купи пёрышко Финиста-ясна сокола.

Ходил отец весь день, а пёрышка не нашёл. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

-Здорово, дедушка!

-Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

-К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить пёрышко Финиста-ясна сокола, а я не нашёл.

-Есть у меня такое пёрышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка пёрышко и подаёт, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нём Марьюшка нашла хорошего!»

Привёз старик подарки дочкам; старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

-Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи свое пёрышко в волоса да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать легли, бросила Марьюшка пёрышко на пол и проговорила:

-Любезный Финист-ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днём он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвёртый день сестры злые заметили — наговорили отцу на сестру.

-Милые дочки, — говорит отец, — смотрите лучше за собой.

«Ладно, — думают сестры, — посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

-Кому я нужен, тот меня найдёт. Но это будет нелегко. Тогда меня найдёшь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвешь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами — смыла слёзками кровавый след и стала ещё краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

-Не брани меня, батюшка,пусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, умру — так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста-ясна сокола. Шла она чистым полем, шла тёмным лесом, высокими горами. Птички весёлыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса тёмные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы — все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка:

-Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

-Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

-Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола.

-О красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятом государстве. Спойли его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придёшь в тридевятое царство наймись работницей к царице. Покончишь работу — бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать — не продавай. Проси Финиста-ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка баба-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

-Не бойся, Марьюшка, иди вперёд. Будет ещё страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потёрся кот спинкой и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал ещё темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

-Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

-Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

-Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола.

-А у моей сестры была?

-Была, бабушка.

-Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пальцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать — не продавай. Просись Финиста-ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

-Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет ещё страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал ещё темнее. За ноги её цепляет, за рукава хватает... Идёт Марьюшка, идёт и назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла — башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа, какдый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

-Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама чёрная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела.

-Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

-Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола.

-Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретёнце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

-Спасибо тебе, бабушка.

-Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретёнце покупать — не продавай, а просись Финиста-ясна сокола повидать. —

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезли — да всё на Марьюшку. И видит Марьюшка — бежит навстречу серый волк.

-Не горюй, — говорит он, — а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только её и видели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

Ну, — говорит волк, — слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

-Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

-Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы прясть, ткать, вышивать.

-Всё это я могу делать.

-Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь — возьмёт Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

-Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист-ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

-Финист мой, Финист-ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица ее слова и говорит:

-Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

-Нет, — говорит Марьюшка, — они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста-ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

-Ладно, — говорит, — так и быть. Ночью, как он уснёт, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идет Марьюшка в спальню к Финисту-ясну соколу. Видит она — спит её сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка — не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой, — спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пальцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

-Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста-ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

-Продай, Марьюшка, серебряные пальцы, золотую иголочку.

-Я не продам, — говорит Марьюшка, — а так отдам, разреши только с Финистом-ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

-Ладно, — говорит, — так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту-ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист-ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка — не добудилась.

Наступает день.

Сидит Марьюшка за работой, берёт в руки серебряное донце, золотое веретёнце. А царица увидала:

-Продай да продай!

-Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом-ясным соколом хоть часок побыть.

-Ладно, — говорит та.

А сама думает: «Всё равно не разбудит».

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту-ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

-Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила — никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

-Любезный ты мой Финист-ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему её прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста-ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист-ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял её, поцеловал:

-Неужели это ты, Марьюшка! Трое башмаков железных износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста-ясна сокола наказать.

Тогда Финист-ясный сокол говорит:

-Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продаёт да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста-ясна сокола — Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в свое государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

ШЕМЯКИН СУД

Жили два брата. Один-то был бедный, а другой богатый. Не стало у бедного брата дров. Нечем вытопить печь. Холодно в избе.

Пошёл он в лес, дров нарубил, а лошади нет. Как дрова привезти?

-Пойду к брату, попрошу коня.

Неласково принял его богатый брат

-Взять коня возьми, да смотри большого возу не накладывай, а вперёд на меня не надейся: сегодня дай да завтра дай, а потом и сам по миру ступай.

Привел бедняк коня домой и вспомнил:

-Ох, хомута-то у меня нет! Сразу не спросил, а теперь и ходить нечего — не даст брат.

Кое-как привязал ккрепче дровни к хвосту братнина коня и поехал.

На обратном пути зацепились дровни за пень, а бедняк не заметил, подхлестнул коня.

Конь был горячий, рванулся и оторвал хвост.

Как увидел богатый брат, что у коня хвоста нет, заругался, закричал:

-Сгубил коня! Я этого дела так не оставлю!

И подал на бедняка в суд.

Много ли, мало ли времени прошло, вызывают братьев в город на суд.

Идут они, идут. Бедняк думает: «Сам в суде не бывал, а пословицу слышал: слабый с сильным не борись, а бедняк с богатым не судись. Засудят меня».

Шли они как раз по мосту. Перил не было. Поскользнулся бедняк и упал с моста. А на ту пору внизу по льду ехал купец, вёз старика отца к лекарю.

Бедняк упал да прямо в сани попал и ушиб старика насмерть, а сам остался жив и невредим.

Купец ухватил бедняка:

-Пойдём к судье!

И пошли в город трое: бедняк да богатый брат и купец.

Совсем бедняк пригорюнился: «Теперь уж наверняка засудят».

Тут он увидал на дороге увесистый камень. Схватил камень, завернул в тряпку и сунул за пазуху: «Семь бед — один ответ: коли не по мне станет судья судить да засудит, убью и судью».

Пришли к судье. К прежнему делу новое прибавилось. Стал судья судить, допрашивать.

А бедный брат поглядит на судью, вынет из-за пазухи камень в тряпке да и шепчет судье:

-Суди, судья, да поглядывай сюда.

Так раз, и другой, и третий. Судья увидал и думает: «Уж не золото ли мужик показывает?»

Ещё раз взглянул — посул большой: «Коли и серебро, денег много».

И присудил бесхвостого коня держать бедному брату до тех пор, покуда у коня хвост не отрастёт.

А купцу сказал:

-За то, что этот человек убил твоего отца, пусть он сам станет на льду под тем же мостом, а ты скачи на него с моста и задави его самого насмерть, как он твоего отца задавил.

На том суд и кончился.

Богатый брат говорит:

-Ну ладно, так и быть, возьму у тебя бесхвостого коня.

-Что ты, братец, — бедняк отвечает. — Уж пусть будет, как судья присудил: подержу твоего коня до тех пор, покуда хвост не отрастет.

Стал богатый брат уговаривать:

-Дам тебе тридцать рублей, только отдай коня.

-Ну ладно, давай деньги.

Отсчитал богатый брат тридцать рублей, и на том они поладили.

Тут и купец стал просить:

-Слушай, мужичок, я тебе твою вину прощаю, всё равно родителя не воротишь.

-Нет, уж пойдём, коли суд присудил, скачи на меня с моста.

-Не хочу твоей смерти, помирись со мной, а я тебе сто рублей дам, — просит купец.

Получил бедняк с купца сто рублей. И только собрался уходить, подзывает его судья:

-Ну, давай посуленное.

Вынул бедняк из-за пазухи узелок, развернул тряпицу и показал судье камень.

-Вот чего тебе показывал да приговаривал: «Суди, судья, да поглядывай сюда». Кабы ты меня засудил, так я б тебя убил.

«Вот и хорошо, — думает судья, — что судил я по этому мужику, а то бы и живу не быть».

А бедняк весёлый, с песенками, домой пришёл.

БЫЛИНЫ

Былины — это героико-патриотические песни-сказания, повествующие о подвигах богатырей и отражающие жизнь Древней Руси IX—XIII веках; вид устного народного творчества, которому присущ песенно-эпический способ отражения действительности. Основным сюжетом былины является какое-либо героическое событие, либо примечательный эпизод русской истории. Былины являются

эпическими песнями о русских богатырях: именно здесь мы находим воспроизведение общих, типических их свойств и историю их жизни, их подвиги и стремления, чувства и мысли. Каждая из этих песен говорит, главным образом, об одном эпизоде жизни одного богатыря. Таким образом получается ряд песен отрывочного характера, группирующихся вокруг главных представителей русского богатырства. В центре множества русских былин стоит фигура Ильи Муромца, Алёши Поповича, Добрыни Никитича, а также киевского князя Владимира. Былины составляют одно из самых замечательных явлений русской народной словесности по эпическому спокойствию, богатству подробностей, живости колорита, отчётливости характеров изображаемых лиц, разнообразию мифических, исторических и бытовых элементов.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из
Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный
добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел он
в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко
городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-
черно,
Ай черным-черно, как черна
ворона.
Так пехотою никто тут не
прохаживает,
На добром коне никто тут не
проезживает,
Птица черный ворон не
пролётывает,
Серый зверь да не
прорыскивает.
Ай подъехал как ко силушке
великойей,
Он как стал-то эту силушку
великую,
Стал конем топтать да стал
копъём колотъ,
А побил он эту силу всю
великую.
Он подъехал-то под славный под
Чернигов-град,
Выходили мужички да тут
черниговские

И отворяли-то ворота во
Чернигов-град,
Ай зовут его в Чернигов
воеводую.
Говорит-то им Илья да таковы
слова:
- Ай же мужички да вы
черниговские!
Я не йду к вам во Чернигов
воеводую.
Укажите мне дорожку
прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный
Киев-град.
Говорили мужички ему
черниговские:
-Ты, удаленький дородный
добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да
святорусский!
Прямоезжая дорожка
заколодела,
Заколодела дорожка,
замуравела.
А й по той ли по дорожке
прямоезжею
Да й пехотою никто да не
прохаживал,
На добром коне никто да не
проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у
Чёрной,
Да у той ли у берёзы у
поклопяя,
Да у той ли речки у Смородины,

У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник на
сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник
Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-
соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник,
по-звериному,
И от его ли то от посвиста
соловьего,
И от его ли то от покрика
звериного
Те все травушки-муравы
уплетаются,
Все лазоревы цветочки
осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все
приклоняются,
А что есть людей - то все
мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой -
пятьсот есть вёрст,
Ай окольной дорожкой - цела
тысяча.
Он спустил добра коня да й
богатырского,
Он поехал-то дорожкой
прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал
перескакивать,
С холмы на холмы стал
перамахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж
ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко
Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко
Чёрной,
Да ко тою ко березе ко
поклопяя,
К тому славному кресту ко
Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-
соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-
звериному –

Так все травушки-муравы
уплетались,
Да й лазоревы цветочки
осыпалися,
Тёмны лесушки к земле все
приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается –
А й как старый-от казак да Илья
Муромец
Берёт плёточку шёлковую в белу
руку,
А он бил коня да по крутым
рёбрам,
Говорил-то он, Илья, таковы
слова:
- Ах ты, волчья сыть да й
травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести
не можь?
Что ты на корни, собака,
спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста
соловьего,
Не слыхал ли покрика
звериного,
Не видал ли ты ударов
богатырских?
А й тут старья казак да Илья
Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук
разрывчатый,
Во свои берет во белы он во
ручущи.
Он тетивочку шелковеньку
натягивал,
А он стрелочку калёную
накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья
Разбойника,
Ему выбил право око со
косицею,
Он спустил-то Соловья да на
сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко
стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту
полю,

Мимо гнёздышка повёз да
соловьиного.
Во том гнёздышке да
соловьином
А случилось быть да и три
дочери,
А й три дочери его любимых.
Больша дочка - эта смотрит во
окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слова:
- Едет-то наш батюшка чистым
полем,
А сидит-то на добром коне,
А везёт он мужичища-
деревенщину
Да у правого у стремени
прикована.
Поглядела как другая дочь
любимая,
Говорила-то она да таковы
слова:
- Едет батюшка раздольцем
чистым полем,
Да й везёт он мужичища-
деревенщину
Да й ко правому ко стремени
прикована, -
Поглядела его меньша дочь
любимая,
Говорила-то она да таковы
слова:
- Едет мужичище деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром
коне,
Да й везет-то наша батюшка у
стремени,
У булатного у стремени
прикована –
Ему выбито-то право око со
косицею.
Говорила-то й она да таковы
слова:
- А й же мужевья наши
любимые!
Вы берите-ко рогатины
звериные,
Да бегите-ко в раздольице чисто
поле,

Да вы бейте мужичища-
деревенщину!
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины
звериные,
Да и бежали-то они да й во
чисто поле
Ко тому ли к мужичище-
деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-
деревенщину.
Говорит им Соловей Разбойник
Одихмантьев сын:
- Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-на рогатины
звериные,
Вы зовите мужика да
деревенщину,
Е своё гнёздышко зовите
соловьиное,
Да кормите его ествушкой
сахарною,
Да вы пойте его питьецом
медвяным,
Да й дарите ему дары
драгоценные!
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины
звериные,
А й зовут мужика да й
деревенщину
Во то гнёздышко да соловьиное.
Да й мужик-то деревенщина не
слушался,
А он едет-то по славному чисту
полю
Прямоезжею дорожкой в
стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный
стольный Киев-град
А ко славному ко князю на
широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел
со божьей церкви,
Он пришёл в палату
белокаменну,
Во столовую свою во горенку,

Он сел есть да пить да хлеба
кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старья казак да Илья
Муромец
Становил коня да посередь
двора,
Сам идёт он во палаты
белокаменны.
Проходил он во столовую во
горенку,
На пяту он дверь-то
поразмахивал.
Крест-от клал он по-писаному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре на
сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в
особину,
Ещё всем его князьям он
подколенным.
Тут Владимир-князь стал
молодца выспрашивать:
- Ты скажи-тко, ты откулешний,
дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем
зовут,
Величают, удалого, по
отечеству?
Говорил-то старья казак да Илья
Муромец:
- Есть я с славного из города из
Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья
Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Говорит ему Владимир таковы
слова:
- Ай же старья казак да Илья
Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из
Мурома
И которою дороженькой ты ехал
в стольный Киев-град?
Говорил Илья он таковы слова:
- Ай ты славныя Владимир
стольно-киевский!

Я стоял заутреню христосскую
во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в
стольный Киев-град,
То моя дорожка
призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой
прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я
ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо
Чёрную,
Мимо славну реченьку
Смородину,
Мимо славную березу ту
покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов
крест.
Говорил ему Владимир таковы
слова:
- Ай же мужичища-
деревенщина,
Во глазах, мужик, да
подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да
насмегаешься!
Как у славного у города
Чернигова
Нагнано тут силы много
множество -
То пехотою никто да не
прохаживал
И на добром коне никто да не
проезживал,
Туда серый зверь да не
прорыскивал,
Птица чёрный ворон не
пролётывал.
А й у той ли то у Грязи-то у
Чёрной,
Да у славной у речки у
Смородины,
А й у той ли у берёзы у
покляпяя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник
Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-
соловьему,

Как кричит злодей-разбойник
по-звериному –
То все травушки-муравы
уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь
осыпаются,
Тёмны лесушки к земле все
приклоняются,
А что есть людей - то все
мертвы лежат.
Говорил ему Илья да таковы
слова:
- Ты, Владимир-князь да
стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём
дворе.
Ему выбито ведь право око со
косицею,
И он ко стремени булатному
прикованный.
То Владимир-князь-от стольно-
киевский
Он скорёшенько вставал да на
резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на
одно плечико,
То он шапочку соболью на одно
ушко,
Он выходит-то на свой-то на
широкий двор
Посмотреть на Соловья
Разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-
князь да таковы слова:
- Засвищи-тко, Соловей, ты по-
соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-
звериному.
Говорил-то Соловей ему
Разбойник Одихмантьев сын:
- Не у вас-то я сегодня, князь,
обедаю,
А не вас-то я хочу да и
послушати.
Я обедал-то у старого казака
Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.
Говорил-то как Владимир-князь
да стольно-киевский.

- Ай же старья казак ты Илья
Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты
Соловья да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-
звериному.
Говорил Илья да таковы слова:
- Ай же Соловей Разбойник
Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста
соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика
звериного.
Говорил-то ему Соловей
Разбойник Одихмантьев сын:
- Ай же старья казак ты Илья
Муромец!
Мои раночки кровавы
запечатаны,
Да не ходят-то мои уста
сахарные,
Не могу я засвистать да й по-
соловьему,
Закричать-то не могу я по-
звериному.
А й вели-тко князю ты
Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпыю-то как чару зелена
вина –
Мои раночки кровавы
поразойдутся,
Да й уста мои сахарны
порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-
соловьему,
Да тогда я закричу да по-
звериному.
Говорил Илья тут князю он
Владимиру:
- Ты, Владимир-князь да
стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во
горенку,
Наливай-то чару зелена вина.
Ты не малую стопу - да полтора
ведра,
Подноси-тко к Соловью к
Разбойнику. –

То Владимир-князь да стольно-
киевский,
Он скоренько шёл в столову
свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу - да полтора
ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью
Разбойнику.
Соловей Разбойник
Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он
одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей
одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-
соловьему,
Закричал Разбойник по-
звериному –
Маковки на теремах
покривились,
А околени во теремах
рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людшек - так все
мертвы лежат,

А Владимир-князь-от стольно-
киевский
Куньей шубонькой он
укрывается.
А й тут старый-от казак да Илья
Муромец,
Он скорёшенько садился на
добра коня,
А й он вёз-то Соловья да во
чисто поле,
И он срубил ему да буйну
голову.
Говорил Илья да таковы слова:
- Тебе полно-тко свистать да по-
соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-
звериному,
Тебе полно-тко слезить да
отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён
мелких,
Тебе полно-тко спущать-то
спрятать да малых детушек!
А тут Соловью ему й славу
поют,
А й славу поют ему век по веку!

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Русская литература - одна из самых древних литератур Европы. Её начало относится ко второй половине X века. Семьсот лет этой литературы принадлежит периоду, который принято называть древней русской литературой. Литература называется так потому что возникла на территории Древней Руси. Предпосылками возникновения древнерусской литературы стало появление новой письменности (кириллицы, созданной монахами Кириллом и Мефодием), хорошо развитый язык, о чём свидетельствует устное народное творчество (фольклор) и образное мышление. Эта литература возникла одновременно с появлением на Руси христианства и церкви, потребовавших письменность и церковную литературу. Существовавший фольклор сделал возможным восприятие новых эстетических ценностей, с которыми знакомила письменность, поэтому древнерусская литература очень близка русскому фольклору. Эта литература поражает своей монументальностью и величием.

Памятник XII века – «Слово о полку Игореве», один из главных памятников древнерусской литературы, гениально отразивший главную беду своего времени – отсутствие государственного единства Руси, слабость её обороны от натиска степных кочевников, разорявших русские города и села, нёсших собою смерть и разрушение. «Слово» рассказывает о походе на половцев в 1185 году князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича. Поход состоялся раннею весной. Кроме Игоря в нём участвовали его сыновья и князь Святослав

Ольгович Рыльский. В «Слове о полку Игореве» нет систематического рассказа о походе Игоря. Этот поход и поражение русского войска для автора только повод для раздумья о судьбах Русской земли, для страстного призыва объединиться и защитить Русь. Поражение войска Игоря автор рассматривает как предостережение русским князьям, погрязшим в междоусобных войнах и сделавших родину добычей степных кочевников. Эта мысль – единение русских против общих врагов – и является главной мыслью произведения. Призыв к единению проникнут в «Слове» самой сильной и нежной любовью к родине. Оригинал «Слова о полку Игореве» не сохранился, но в начале 90-ых годов XVIII века известным любителем и собирателем русских древностей А.И. Мусиным-Пушкиным был найден список (копия) «Слова», переписанный в XVI в. Он был приобретен А.И. Мусиным-Пушкиным у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря – Иошля Быховского. Список «Слова» сгорел во время пожара Москвы в 1812 году, когда горела библиотека Мусина-Пушкина. Но благодаря тому, что с рукописи памятника была снята копия для императрицы Екатерины II, а в 1800 году А.И. Мусин-Пушкин издал «Слово о полку Игореве», текст «Слова» дошёл до наших дней.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

(Переложение Н.Заболоцкого)

Не пора ль нам, братия, начать	Гайк Боян, но, вспомнив дни
О походе Игоревом слово,	былые,
Чтоб старинной речью	Вещи персты он подымал
рассказать	И на струны возлагал живые.-
Про деянья князя удалого?	Взрагивали струны, трепетали,
А воспеть нам, братия, его –	Сами князьям славу рокотали.
В похвалу трудам его и ранам –	Мы же по иному замышленью
По былинам времени сего,	Эту повесть о године бед
Не гоняясь в песне за Бояном.	Со времён Владимира княженья
Тот Боян, исполнен дивных сил,	Доведём до Игоревых лет
Приступая к вещему напеву,	И прославим Игоря, который,
Серым волком по полю кружил,	Напрягая разум, полный сил.
Как орёл, под облаком парил,	Мужество избрал себе опорой.
Растекался мыслию по дереву.	Ратным духом сердце поострил
Жил он в гроте дедовских побед,	И повёл полки родного края.
Знал немало подвигов и схваток,	Половецким землям угрожая.
И на стадо лебедей чуть свет	О Боян, старинный соловей!
Выпускал он соколов десятков.	Приступая к вещему напеву,
И встречая в воздухе врага,	Если б ты о битвах наших дней
Начинали соколы расправу,	Пел, скача по мысленному
И взлетала лебедь в облака,	дереву;
И трубила славу Ярославу.	Если б ты, взлетев под облака,
Пела древний киевский престол,	Нашу славу с дедовскою славой
Поединок славил старинный,	Сочетал на долгие века,
Где Мстислав Редедю заколол	Чтоб прославить сына
Перед всей касожскою	Святослава;
дружиной,	Если б ты Трояновой тропой
И Роману Красному хвалу	Средь полей помчался и
Пела лебедь, падая во мглу.	курганов, -
Но не десять соколов пускал	Так бы ныне был воспет тобой

Игорь-князь, могучий внук
Троянов:
«То не буря соколов несёт
За поля широкие и доли,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе,
Боян, Внук Велесов, наш
военный стан:
«За Сулою кони ржут.
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие
трубят,
Во Путивле стяги бранные
стоят!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Игорь-князь с могучею
дружиной
Мила брата Всеволода ждёт.
Молвит буй тур Всеволод:
«Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и
оплот!
Дети Святослава мы с тобою
Так седлай же борзых коней,
брат!
А мои, давно готовы к бою
Возле Курска под седлом стоят.

2

А куряне славные -
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю - славы, почестей - себе!»

3

Но, взглянув на солнце в этот
день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина.
Князь промолвил: «Братья и
дружина!
Лучше быть убиту от мечей.
Чем от рук поганых полонёну!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум -
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменем небес пренебрегая:
«Копиё хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
Славы, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть
шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремя
вступает.
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему
закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон
гнева,
Кличет Див над ним с вершины
древа,
Кличет Див, как половец в
дозоре,
За Суду, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван тмутороканский!

5

И бегут, слышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с
полками,
А беда несётся вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,

Реют с криком жалобным своим.
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы -
Знать, на кости русские
скликают
Зверя кровожадные орлы;
Уж лиса на щит червлёный
брешет,
Стон и скрежет в сумраке
ночном...
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но
засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щёкот приумолк
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю - славы, почестей - себе.

7

На рассвете, в пятницу, в
туманах,
Стрелами по полю полетел
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счёта,
Груды аксамитов и шелков,
Вымостили токие болота
Япанчами красными врагов.
А червлёный стяг с хоругвью
белой,
Чёлку и копьё из серебра
Взял в награду Святославич
смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для
ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега
-Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,

И никто ему не господин –
Будь то сокол, будь то гордый
кречет.
Будь то чёрный ворон -
половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит
великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровавые зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещал Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами
хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским
преломиться.
Вот где саблям острым
притупиться,
Загремев о вражеский шолом!
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели
внуки–
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля
сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несётся, поле покрывая.
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря с криками и с
воем
Валит враг, но, полон ратных
сил,
Русский стан сомкнулся перед
боем
Щит к щиту - и степь загородил.

11

Славный яр тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там
Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою.
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками ратью
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал криволю,
Пробираясь к отчому престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокань,
В злат стремень вступал,
готовясь к сече.
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Канина берега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Укрепив носилки между вьюков,
Святополк отца увёз в печали,

На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришёл на Русь как ворог.
Внук Дажьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало.
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова
С вечера до самого утра
Бьётся войско князя удалого,
И растёт кровавых тел гора.
День и ночь над полем
незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мёртвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошёл великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарёю?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день. Рубились день-
другой,
В третий день к полудню стяги
пали,
И расстался с братом брат
родной
На реке кровавой, на Каяле.

Недостало русичам вина.
Славный пир дружины
завершили –
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година,
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край
Троянов.
Крыльями лебязьими
всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают.
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушёл на сине море.

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной
сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертний воиль исторгла, и
далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искромётным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жёны русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам
боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не
смыслить,
Их теперь нам думою не
сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром да
златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растёт крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод
отважный
Святослава храбрые сыны –
Вот ведь кто с дружиною
бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А даю ли, мощною рукою
За обиды наших покарав,
Это зло великое грозою
Усыпил отец их, Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил –
Устрашил их сильными
полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил течение быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал - и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава.
Игоря отважного клянут.
И смеётся гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,
Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого

Пересел в кощеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1
В Киеве далёком, на горах,
Смутный сон приснился
Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, -
Молвил князь, поникнув
головой, -
На кровати тисовой меня
Покрывали чёрной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделия.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске
кричал
И летел, шумя, на сине море».

2
И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от
печали.
Не твои ль два сокола два чада
Поднялись над полем
незнакомым
Поискать Гмурокани-града
Либо Дону зачерпнуть
шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3
В третий день окончилась
борьба
На реке кровавой, на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,

Два прекрасных месяца
затмились
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землёю,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волну вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье:

4
Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Места лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5
И тогда великий Святослав
Изронил свое золотое слово.
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честью в бою
Вражью кровь на землю
проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве
самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный
Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время - без щитов.
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши
пепелища.

Вот где славы прадедовской
гром!

Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмём,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу - мне
помолодеть?

Старый сокол, хоть и слаб он с
виду,

Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом
кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть
живой, -
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском
престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу в славы
расплещешь,
Ты шеломом вычертаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы
мечешь,
Сыновьями Глеба окружён.
Если б ты привёл на помощь
рати,
Чтоб врага не выпустить из рук,
- Продавали б девок по ногате,
А рабов - по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От калёной сабли, от руки
Ратника неведомого края?

Встаньте, государи, в злат
стремень

За обиду в этот чёрный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь Галицкий! Твой
град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпёр железными полками.
На своём престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь
разом,
И народ зовёт тебя кругом
Осмыслом - за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла.
В киевскиеходишь ты
пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь
За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй
Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль
живая,
И несётесь вы на вражий стан,
Соколом ширясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский
блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копьё, пали на траву

И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с
нами нет.

Уж не светит Игорю солнца
ясный свет.

Не ко благу дерево листья
уронило:

Поганое войско грады поделило.
По Суле, по Роси счету нет
врагу.

Не воскреснуть Игореву
храброму полку!

Дон зовёт нас, княже, кличет нас
с тобой!

Ольговичи храбрые одни
вступили в бой.

11

Князь Ингварь, князь Всеволод!
И вас мы зовём для дальнего
похода,

Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского
рода!

Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий щелом,
Верный щит, копьё из ляшской
стали?

Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны –
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струёю
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын,
мечами

В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми
полками
Все славу-деду славы прирубил.

И сам, прирублен саблею
калёной,

В чужом краю, среди кровавых
трав,

Кипучей кровью в битве
обагрённый,

Упал на щит червлёный,
простонав:

«Твою дружину, княже,
приодели

Лишь птичьи крылья у степных
дорог,

И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».

И в смертный час на помощь
храбру мужу

Никто из братьев в бой не
поспешил.

Один в степи свою жемчужну
дугу

Из храброго он тела изронил.

Через золотое, братья, ожерелье

Ушла она, покинув свой приют.

Печальны песни, замерло
веселье,

Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Все слава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью
пренебречь.

Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от
лютой

Половецкой проклятой земли!

14

Шёл седьмой по счету век
Троянов.

Князь могучий полоцкий
Все слава

Кинул жребий, в будущее
глянув,

О своей любимой загадав.

Замышляя новую крамолу,

Он опоры в Киеве нашёл,

И примчался к древнему
престолу,
И копьём ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий
терем.
И Всеслав, повиснув в синей
мгле,
Выскочил из Белгорода зверем –
Не жилец на киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают:
День и ночь снопы кладут на
риге –
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом - мечом своим
булатным
В том краю молотит земледел,
И кладёт он жизнь на поле
ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав -
Не добром засеял их оратай,
А костями русскими - Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь,
блуждал в тумане.
Вечер - в Киеве, до зорь - в
Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный
путь,
Мог он Хорсу бег пересечь.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Всё ж страданья князя одолели,

И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой
небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни
удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние години вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти - Рюрик носит, те - Давыд,
Но не вместе их знамёна
плещут,
Брззз поют их копия и блещут.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землёй
Плачет, из Путивля долетая.
Голос Ярославны молодой;
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом
наклоняюсь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займётся поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно
повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?»

Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с
высоты.

Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннюю весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные
горы

В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слёзы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займётся поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С
тобою

Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных дождчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2
И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь промчался к северу
родному –
Сам господь из половецких
стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит –
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно
готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый
темнотою:

«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного
гула
Вздогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи
всколыхнуло.
В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-
князь
И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.
Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.
Словно сокол вьётся в облака,
Увидав Донец издалека.
Без дорог летит и без путей,
Бьёт к обеду уток-лебедей.
Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк,
бежит,
Всё в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3
Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там.
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке,
И, рассвет весёлый возвещая.
Соловьи ликуют вдалеке.

4
И, на волнах витязя лелея,
Рёк Донец: «Велик ты, Игорь-
князь!
Русским землям ты принёс
веселье,
Из неволи к дому возвратись».-
«О река! - ответил князь, -
немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зелёною травой.
И, когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,

Страж ему был гоголь над
водою,
Чайка князя в небе стерегла.

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав.
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над тёмною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле».

6

Не сороки во поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца –
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколёнок попадет впросак –
Золотой стрелой его
подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколёнок попадет впросак –
Мы его опутаем девицей».-
«Коль его опутаем девицей, -
Отвечал Кончаку старый Гзак, -
Он с девицей в терем свой
умчится,
И начнёт нас бить любая птица

В половецком поле, хан
Кончак!»

7

И изрёк Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землёй:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси –
Игорь-князь явился на Руси.
Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.
По Боричеву восходит удалой
К Пырогощей богородице
святой.
И сграны рады,
И веселы грады.
Цели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить
нам:
Слава князю Игорю,
Буй тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!
Здрав будь, князь, и вся дружина
здрава!
Слава князьям и дружине слава!

1938-1946

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

XVIII век открывает новую страницу истории русской художественной литературы. Историческим рубежом между старой и новой Россией были реформы Петра I, затронувшие самые разнообразные области политики русского государства, в том числе и идеологическую сферу. Государственные реформы Петра I затронули и словесность: изменился литературный язык, была проведена реформа стихосложения; происходило освоение литературного опыта Европы. В Россию проникают западноевропейские научные и литературные труды, которые переводятся на русский язык, вводится гражданский шрифт, появляются первые газеты и журналы. За сто лет русская литература осваивает путь от классицизма к сентиментализму.

Особенности литературы XVIII века: светский характер литературы; новый тип героя – человеческая личность, дворянин, военный, служивый; повышение роли

личности героя в литературе (важен личный успех, но он всегда должен сочетаться с интересами Российского государства); литература стала авторской; более массовой, доступной; появление разных жанров и родов литературы и постоянного текста, в котором важна личность автора; появление эстетических направлений и школ (классицизм, русское просвещение, сентиментализм, предромантизм); развитие лирических жанров: оды, песни, романсы, эротическая (любовная) лирика, философские трактаты.

Традиционно в русской литературе XVIII века выделяют 3 этапа развития.

1 этап - предклассицистический (1700-1730 гг.). Начало XVIII века было бурным для России. Создание собственного флота, войны за выход к морским путям, развитие промышленности, расцвет торговли, строительство новых городов - всё это не могло не отразиться на росте национального сознания. Люди Петровских времен чувствовали свою причастность к историческим событиям, величие которых они ощущали на своих судьбах. Каждый обязан был трудиться на пользу общества и государства, подражая Петру I. Всё оценивалось с точки зрения полезности. Словесность же могла быть полезна в том случае, если она прославляла успехи России и разъясняла государеву волю. Поэтому главные качества литературы этой эпохи - злободневность, жизнеутверждающий пафос и установка на общедоступность. Произведения отличаются большой жанровой и стилистической пестротой, во многом связаны с древнерусской литературой. Ещё не выработаны ни общий творческий метод, ни стройная жанровая система, но уже вызревают основные идеологические предпосылки классицизма: защита государственных интересов, прославление Петра как просвещённого монарха. Усиливается интерес к античности.

2 этап - становление классицизма (1730-1750 гг.). В 30-40-х годах в русской словесности открывается совершенно новая страница – классицизм, но творчество писателей-классицистов (Кантемира, Сумарокова и других) тесно связано с текущей политической жизнью страны. В русской литературе классицизм появился позже, чем в западноевропейской. Он был тесно связан с идеями европейского просвещения, такими как: установление твердых и справедливых законов, обязательных для всех, просвещение и образование нации, стремление проникнуть в тайны мироздания, утверждение равенства людей всех сословий, признание ценности человеческой личности независимо от положения в обществе. Для русского классицизма характерна также система жанров, обращение к разуму человека, условность художественных образов. Важным было признание решающей роли просвещённого монарха. Идеалом такого монарха для русского классицизма был Петр I. Ярким представителем литературы этого времени был **М.В. Ломоносов**. Первый из деятелей русской культуры завоевавший мировую известность, один из выдающихся просветителей и самый просвещённый человек своего времени, один из крупнейших ученых XVIII века, замечательный поэт М.В. Ломоносов стал реформатором русского стихосложения и первым создателем общенационального языка.

3 этап - расцвет классицизма и формирование сентиментализма (1750-1790 гг.). К середине XVIII века стало ясно, что образ идеального просвещённого правителя далёк от реальной жизни. При Екатерине II дворянство получило неслыханные привилегии, ужесточение крепостного права стало основной причиной крестьянской войны 1773-1775 гг. под руководством Е.И. Пугачева. С 60-х гг. XVIII в. крестьянская тема станет ведущей в русской литературе. Писатели-классицисты сочувственно относились к судьбе крепостных, осуждали жестокость и

паразитизм помещиков. Они призывали к гуманному обращению с крепостными, подчеркивая внесловную ценность человека. Русский классицизм этого времени тесно связан с народными традициями и устным народным творчеством. С 60-х годов XVIII века в русской литературе складывается новое литературное направление, получившее название сентиментализм. Писатели-сентименталисты опирались на идеи просвещения о том, что ценность человека зависит не от принадлежности его к высшим классам, а от его личных достоинств. Но если для классицистов на первом месте было государство и общественные интересы, то для сентименталистов - конкретный человек с его чувствами и переживаниями. Классицисты всё подчиняли разуму, сентименталисты - чувствам, настроению. Сентименталисты считали, что человек по природе добр, лишён ненависти, коварства, жестокости, что на основе врождённой добродетели складываются общественные и социальные инстинкты, объединяющие людей в общество. Отсюда вера сентименталистов в то, что именно природная чувствительность и добрые задатки людей являются залогом идеального общества. В произведениях того времени главное место стало отводиться воспитанию души, нравственному совершенствованию, главный герой — обычный человек, стремящийся слиться с природой, найти в ней мирную тишину и обрести счастье. Первоисточником добродетели сентименталисты считали чувствительность, поэтому стихи их были наполнены состраданием, тоской и печалью. Сменились и жанры, которым отдавались предпочтения. На первое место вышли элегии, послания, песни и романсы. К 1820 году русский сентиментализм полностью исчерпал себя.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН (1766-1826)

Николай Михайлович Карамзин — выдающийся историк, крупнейший русский писатель и журналист конца XVIII века, реформатор русского языка. Его «Письма русского путешественника» (1791-1792), написанные после поездки по Европе в 1790 гг.), и повесть «Бедная Лиза» (1792) открыли в России эпоху сентиментализма. Творчество Н.М. Карамзина повлияло на развитие русского литературного языка. Именно Н.М. Карамзин ввёл в русский язык множество новых слов — неологизмов («благодарительность», «влюблённость», «вольнодумство», «достопримечательность», «ответственность», «подозрительность», «промышленность», «утончённость», «первоклассный», «человечный» и т.д.) и варваризмов («троллар», «кучер» и т.д.), а также ввёл в русский алфавит букву Ё. Также именно Н.М. Карамзин заново открыл историю России для широкой читательской аудитории, опубликовав свою «Историю государства Российского». «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом», - писал А.С. Пушкин.

БЕДНАЯ ЛИЗА

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели - куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты. Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особенно когда

светит на неё солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зелёные цветущие луга, а за ними, по жёлтым пескам, течёт светлая река, волнуемая лёгкими вёслами рыбацких лодок или шумящая под рулём грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом.

На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подалее, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; ещё далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в тёмных переходах келий. Там, опершись на развалинах гробных камней, внимаю глухому стону времён, бездною минувшего поглощённым - стону, от которого сердце моё содрогается и трепещет. Иногда вхожу в кельи и представляю себе тех, которые в них жили, - печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах - с бледным лицом, с томным взором - смотрит в поле сквозь решётку окна, видит весёлых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит - и проливает горькие слёзы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет - и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его. Иногда на вратах храма рассматриваю изображение чудес, в сём монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осаждённого многочисленными врагами; тут образ богородицы обращает неприятелей в бегство. Всё сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества - печальную историю тех времён, когда свирепые татары и липовцы огнём и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях.

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают моё сердце и заставляют меня проливать слёзы нежной скорби!

Саженья в семидесяти от монастырской стены, подле берёзовой рощицы, среди зелёного луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обеднели. Ленивая рука наёмника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаём, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слёзы о смерти мужа своего - ибо и крестьянки любить умеют! - день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, которая осталась после отца пятнадцати лет, - одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь - ткала холсты, вязала чулки, весною рвала

цветы, а летом брала ягоды - и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала её к слабо биющемуся сердцу, называла божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила бога, чтобы он наградил её за всё то, что она делает для матери.

«Бог дал мне руки, чтобы работать, - говорила Лиза, - ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенком; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слёзы наши не оживят батюшки».

Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слёз своих - ах! Она помнила, что у неё был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и весёлою. «На том свете, любезная Лиза, - отвечала горестная старушка, - на том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть - что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю».

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы - и покраснелась. «Ты продаёшь их, девушка?» - спросил он с улыбкою. «Продаю», - отвечала она. «А что тебе надобно?» - «Пять копеек». - «Это слишком дёшево. Вот тебе рубль». Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека - еще более покраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмёт рубля. «Для чего же?» - «Мне не надобно лишнего». - «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берёшь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня». Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил её за руку. «Куда же ты пойдёшь, девушка?» - «Домой». - «А где дом твой?» Лиза сказала, где она живёт, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать её, может быть для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались.

Лиза, придя домой, рассказала матери, что с нею случилось. «Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...» - «Ах нет, матушка! Я этого не думаю... У него такое доброе лицо, такой голос...» - «Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты ещё не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своём месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образом и молю господу бога, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти». У Лизы навернулись на глазах слёзы; она поцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза её тихонько чего-то искали.

Многие хотели у неё купить цветы, но она отвечала, что они непродажные, и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. «Никто не владеет вами!» - сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердце своём.

На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и закричала: «Ах!..» Молодой незнакомец стоял под окном.

«Что с тобой сделалось?» - спросила испугавшаяся мать, которая подле неё сидела. «Ничего, матушка, - отвечала Лиза робким голосом, - я только его увидела». – «Кого?» - «Того господина, который купил у меня цветы». Старуха выглянула в окно.

Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нём ничего, кроме хорошего. «Здравствуй, добрая старушка! - сказал он. - Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?» Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей - может быть, для того, что она его знала наперёд, - побежала на погреб - принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, - схватила стакан, вымыла, вытерла его белым полотенцем, налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил - и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что он после того благодарил Лизу, и благодарил не столько словами, сколько взорами.

Между тем добродушная старушка успела рассказать ему о своём горе и утешении - о смерти мужа и о милых свойствах дочери своей, об её трудолюбии и нежности, и проч. и проч. Он слушал её со вниманием, но глаза его были - нужно ли сказывать где? И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блеснит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза её обращались к земле, встречаясь с его взором. – «Мне хотелось бы, - сказал он матери, - чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Таким образом, ей незачем будет часто ходить в город, и ты не принуждена будешь с нею расставаться. Я сам по временам могу заходить к вам». Тут в глазах Лизиных блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотела; щёки её пылали, как заря в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правой рукою. Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нём никакого худого намерения, и уверяла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывают отменно хороши и носятся долее всяких других.

Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. «Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?» - спросила старуха. «Меня зовут Эрастом», - отвечал он. «Эрастом, - сказала тихонько Лиза, - Эрастом!» Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. Эраст простился с ними до свидания и пошёл. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: «Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!» Всё Лизино сердце затрепетало. «Матушка! Матушка! Как этому стать? Он барин, а между крестьянами...» - Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вёл рассеянную жизнь, думал только о своём удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали. Ему казалось, что он нашёл в Лизе то, чего сердце его давно искало. «Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», - думал он и решился - по крайней мере на время - оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь - мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание её не исполнилось; Лиза спала

очень худо. Новый гость души её, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Ещё до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зелёном покрове природы. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило всё творение; рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами света. Но Лиза всё ещё сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. Между тем молодой пастух по берегу реки гнал стадо играя на свирели. Лиза устремила на него взор свой и думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои рождён был простым крестьянином, пастухом, и если бы он теперь мимо меня гнал стадо своё; ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: «Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо своё?» И здесь растёт зелёная трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей». Он взглянул бы на меня с видом ласковым, взял бы, может быть, руку мою... Мечта!» Пастух, играя на свирели, промчал мимо и с пёстрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

Вдруг Лиза услышала шум вёсел - взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке - Эраста.

Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошёл к Лизе и - мечта её отчасти исполнилась: ибо он взглянул на неё с видом ласковым, взял её за руку... А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором с огненными щеками, с трепещущим сердцем - не могла отнять у него руки, не могла отворотиться, когда он приближался к ней с розовыми губами своими... Ах! Он поцеловал её, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящею! «Милая Лиза! - сказал Эраст.- Милая Лиза! Я люблю тебя!» И эти слова отозвались во глубине души её, как небесная, восхитительная, музыка, она едва смела верить ушам своим и...

Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость - Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ними оставалось не много места, - смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: «Люби меня!» и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать её может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. «Ах, Эраст! - сказала она. - Всегда ли ты будешь любить меня?» - «Всегда, милая Лиза, всегда!» - отвечал он. «И ты можешь мне дать в этом клятву?» - «Могу, любезная Лиза, могу!» - «Нет! Мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» - «Нельзя, нельзя, милая Лиза!» - «Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» - «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». - «Для чего же?» - «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое». - «Нельзя статься».- «Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова». - «Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне и не хотелось бы ничего таить от неё».

Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видаться или на берегу реки, или в берёзовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижины, только верно, непременно видаться. Лиза пошла, но глаза её сто раз обращались на Эраста, который всё ещё стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из неё вышла. На лице и во всех её движениях обнаруживалась сердечная радость. «Он меня любит!» - думала она и восхищалась сею мыслию. «Ах, матушка! - сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. - Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как всё весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!» Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала. Оно в самом деле показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для неё всю натуру. «Ах, Лиза! - говорила она. - Как всё хорошо у господина бога! Шестой десяток доживаю на свете, а все ещё не могу наглядеться на дела господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатёр, и на землю, которая всякий год новою травою и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя? Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слёзы не капали». А Лиза думала: «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в берёзовой роще, но всего чаще под тенью столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) - дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, ещё в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зелёные ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались - но целомудренная, стыдливая Цинтия не скрывалась от них за облако: чисты и непорочны были их объятия «Когда ты, - говорила Лиза Эрасту, - когда ты скажешь мне: «Люблю тебя, друг мой!», когда прижмёшь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю всё, кроме Эраста. Чудно? Чудно, мой друг, что я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю что без тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих тёмный светлый месяц; без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен». Эраст восхищался своей пастушкой - так называл Лизу - и, видя сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми страстная дружба невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о отрезвительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. «Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, - думал он, - не употреблю во зло любви её и буду всегда счастлив!» Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты своё сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?

Лиза требовала, чтобы Эраст часто посещал мать её. «Я люблю её, - говорила она, - и хочу ей добра, а мне кажется, что видеть тебя есть великое благополучие для всякого». Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела. Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том,

как она в первый раз встретилась с милым своим Иваном, как он полюбил её и в какой любви, в каком согласии жил с нею. «Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться - до самого того часа, как лютая смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!» Эраст слушал её с непритворным удовольствием. Он покупал у неё Лизину работу и хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены, но старушка никогда не брала лишнего.

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза её от слёз покраснели. «Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?» - «Ах, Эраст! Я плакала!» - «О чём? Что такое?» - «Я должна сказать тебе всё. За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла». - «И ты соглашаешься?» - «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу её спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» Эраст целовал Лизу, говорил, что её счастье дороже ему всего на свете, что по смерти матери её он возьмет её к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. «Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» - сказала Лиза с тихим вздохом. «Почему же?» - «Я крестьянка». - «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная невинная душа, - и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия - и в сей час надлежало погибнуть непорочности! Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей - никогда Лиза не казалась ему столь прелестною, никогда ласки её не трогали его так сильно, никогда её поцелуи не были столь пламенны! Она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась. Мрак вечера питал желания, ни одной звёздочки не сияло на небе, никакой луч не мог осветить заблуждения. Эраст чувствует в себе трепет. Лиза также, не зная отчего, но зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где твоя невинность?

Заблуждение прошло в одну минуту. Лиза не понимала чувств своих, удивлялась и спрашивала. Эраст молчал - искал слов и не находил их. «Ах, я боюсь, - говорила Лиза, -- боюсь того, что случилось с нами! Мне казалось, что я умираю, что душа моя... Нет, не умею сказать этого!.. Ты молчишь, Эраст? Вздыхаешь? Боже мой! Что такое?» Между тем блеснула молния и грянул гром. Лиза вся задрожала. «Эраст, Эраст! - сказала она. - Мне страшно! Я боюсь, чтобы гром не убил меня, как преступницу!» Грозно шумела буря, дождь лился из чёрных облаков - казалось, что натура сетовала о потерянной Лизиной невинности. Эраст старался успокоить Лизу и проводил её до хижины. Слёзы катились из глаз её, когда она прощалась с ним. «Ах, Эраст! Уверь меня, что мы будем по-прежнему счастливы!» - «Будем, Лиза, будем!» - отвечал он. - «Дай бог! Мне нельзя не верить словам твоим: ведь я люблю тебя! Только в сердце моём... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся».

Свидания их продолжались; но как всё переменялось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы - одними её любви исполненными взорами, одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, - а кто знает сердце своё, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение всех желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог гордиться и которые были для

него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала, во всём, как агнец, повиновалась его воле и в удовольствии его полагала своё счастье, Она видела в нём перемену и часто говорила ему: «Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!» Иногда, прощаясь с ней, он говорил ей: «Завтра, Лиза, не могу с тобою видеться: мне встретилось важное дело», и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец пять дней сряду она не видела его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришёл он с печальным лицом и сказал: «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идёт в поход». Лиза побледнела и едва не упала в обморок.

Эраст ласкал её, говорил, что он всегда будет любить милую Лизу и надеется по возвращении своём уже никогда с нею не расставаться. Долго она молчала, потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него со всею нежностью любви, спросила: «Тебе нельзя остаться?» - «Могу, - отвечал он, - но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества». - «Ах, когда так, - сказала Лиза, - то поезжай, поезжай, куда бог велит! Но тебя могут убить». - «Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза». - «Я умру, как скоро тебя не будет на свете». - «Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу». - «Дай бог! Дай бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться. Ах, для чего не умею ни читать, ни писать. Ты бы уведомлял меня обо всём, что с тобою случится, а я писала бы тебе - о слезах своих!» - «Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала». - «Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня, и этой отрады! Нет! расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце моё». - «Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся». - «Буду, буду думать о ней! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя больше, нежели самоё себя!»

Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию.

Эраст хотел проститься и с Лизиной матерью, которая не могла от слёз удержаться, слыша, что ласковый, пригожий барин её должен ехать на войну. Он принудил её взять у него несколько денег, сказав: «Я не хочу, чтобы Лиза в моё отсутствие предавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне». Старушка осыпала его благословениями. «Дай господи, - говорила она, - чтобы ты к нам благополучно возвратился и чтобы я тебя ещё раз увидела в здешней жизни! Авось-либо моя Лиза к тому времени найдет себе жениха по мыслям. Как бы я благодарила бога, если б ты приехал к нашей свадьбе! Когда же у Лизы будут дети, знай, барин, что ты должен крестить их! Ах! Мне бы очень хотелось дожить до этого!» Лиза стояла подле матери и не смела взглянуть на неё. Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв её в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: «Прости, Лиза!..» Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бедную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании.

Лиза рыдала, Эраст плакал, оставил её - она упала, стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся - далее - далее - и, наконец, скрылся. Воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя - и свет показался ей уныл и печален. Все приятности природы сокрылись для неё вместе с любезным её сердцу. «Ах! - думала она. Для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертию своею спасти его драгоценную жизнь. Постой, постой, любезный! Я лечу к тебе!» Уже хотела она бежать за Эрастом, но мысль: «У меня есть мать!» - остановила ее. Лиза вздохнула и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине. С сего часа дни её были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце её! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединяясь в густоту леса, могла свободно проливать слёзы и стенать о разлуке с милым. Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с её стенанием. Но иногда - хотя весьма редко - золотой луч надежды, луч утешения освещал мрак её скорби. «Когда он возвратится ко мне, как я буду счастлива! Как всё переменится!» От сей мысли прояснялся взор её, розы на щеках освежались, и Лиза улыбалась, как майское утро после бурной ночи. Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву, зная чтобы купить розовой воды, которою мать её лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретила её великолепная карета, и в сей карете увидела она Эраста. «Ах!» - закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и повернула на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дома как вдруг почувствовал себя в Лизиних объятиях. Он побледнел - потом, не стесняя ни слова на её восклицания, взял её за руку, привёл в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: «Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня, Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Бери сто рублей - возьми их, - он положил ей деньги в карман, - позволь мне поцеловать тебя в последний раз - и пооди домой». Прежде, нежели Лиза могла опомниться, он вывел её из кабинета и сказал слуге: «Проводи эту девушку со двора».

Сердце моё обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте, готов проклинать его, но язык мой не движется, смотрю на него, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную бэль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти всё своё имение. Скоро заключили мир и Эраст возвратился в Москву, отягчённый долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства - жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но все сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!» - вот её мысли, её чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести её в память. Несчастливая открыла глаза, встала с помощью сей доброй женщины, благодарила её и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, - думала Лиза,- нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!..

Нет! Небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями её восторгов. Сие воспоминание потрясло её душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице её. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость, осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, кликнула её, вынула из кармана десять империалов и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюта, любезная подружка! Отнеси эти деньги к матушке - они не краденые - скажи ей, что Лиза против неё виновата, что я таила от неё любовь свою к одному жестокому человеку, к Э... На что знать его имя? Скажи, что он изменил мне, попроси, чтобы она меня простила, бог будет её помощником, поцелуй у неё руку так, как я теперь твою целую, скажи, что бедная Лиза велела поцеловать её, скажи, что я...» Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти её, побежала в деревню; собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мертвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Её погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на её могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь её от ужаса охладела - глаза навек закрылись. Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: «Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!»

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привёл меня к Лизиной могиле. Теперь, может быть, они уже примирились!

1792

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Начало XIX века - время культурного и духовного подъёма России. Отечественная война 1812 г. ускорила рост национального самосознания русского народа, его единение.

Главные особенности этого периода – растущая демократизация культуры, охват просвещением всё более широких слоёв народа и поиск национально-культурной самобытности.

Выступление дворянских революционеров 14 декабря 1825 г. было важным событием в общественно-культурной жизни страны. Стремление понять идеи дворянских революционеров (декабристов) способствовало активизации духовной жизни русского общества, изменениям в официальной идеологии. Мысль о превосходстве самодержавной, православной России над Западом стала частью теории официальной народности. В социально-экономической жизни страны во второй четверти XIX в. обозначались процессы, которые указывали на кризис феодально-крепостнической системы, развитии капиталистического уклада.

Многие декабристы (К. Рылеев, В. Кюхельбеккер, А. Одоевский, А. Бестужев, П. Катенин, Ф. Глинка, Н. Бестужев и др.) были поэтами и писателями. Их творчество наполнено романтической устремленностью к лучшему будущему страны, ориентацией на идеальную высоту их героев, что явилось основой

формирования знаменитой русской триады: добро, истина, красота. Ведущим направлением русской литературы первой трети XIX в. был романтизм. Считается, что в России романтизм впервые появляется в поэзии В.А. Жуковского. Также к поэтам-романтикам относятся К.Н. Батюшков, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков. Ранняя поэзия А.С. Пушкина тоже развивалась в рамках романтизма. Вершиной русского романтизма является поэзия М.Ю. Лермонтова. Философская лирика Ф.И. Тютчева завершает историю романтизма в России.

В русском романтизме появляется свобода от классических условностей, создаётся баллада, романтическая драма. Утверждается новое представление о назначении поэзии, которая признаётся выразительницей высших, идеальных стремлений человека.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ (1783-1852)

Василий Андреевич Жуковский - русский поэт, переводчик, критик, его считают основоположником русского романтизма, избравшего главным предметом своей поэзии мир человеческой души. История души поэта, его волнений, мечтаний и дум выражена в его элегиях, балладах и поэмах. Жуковский знал и изображал человека, неудовлетворенного действительностью и очарованного красотой любви, дружбы, воспоминаниями о пережитом счастье.

Заслуга Жуковского как поэта-романтика заключается в том, что он не только сумел выразить свой внутренний мир, но и открыл средства поэтического изображения душевной жизни.

СВЕТЛАНА

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счётным курицу зерном;
Ярый воск топили,
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана -
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,

Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался - вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит

Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершись локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
Тихий, легкий шёпот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;

Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг;
Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смелкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылой.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.

Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться - следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белую запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь - на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крылья;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лихтенной силы,
Простонав, раскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг её - мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьёт крылом петух,
День встречая пенъем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он -
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;

Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки, кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт.
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;

1808-1812

В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава - нас учили - дым;
Свет - судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучшей друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье - лживый сон;
Счастье - пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо - Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799-1837)

Александр Сергеевич Пушкин – величайший русский поэт, прозаик, драматург, создатель современного русского литературного языка.

В ранней лирике А.С. Пушкина соединились традиции французского и русского классицизма. Пушкинская лирика периода 1813-1815 гг. пронизана мотивами быстротечности жизни, которая диктовала жажду наслаждения радостями бытия. С 1816 г. А.С. Пушкин обращается к жанру элегии, где развивает характерные для этого жанра мотивы: неразделённой любви, ухода молодости, угасания души. Лирика Пушкина ещё подражательна, полна литературных штампов, тем не менее уже тогда начинающий поэт выбирает свой особый путь. Не замыкаясь на поэзии камерной, Пушкин обращался к темам более сложным, общественно-значимым: «Воспоминания о Царском Селе» (1814) посвящены событиям Отечественной войны 1812 г.; в пушкинском послании «Лицинию» критически изображена современная жизнь России. Ещё будучи воспитанником Царскосельского лицея (открыт 19 октября 1811 г.), А.С. Пушкин вошёл в литературное общество «Арзамас», выступавшее против архаики в литературе. В 1819 г. А.С. Пушкин вступает в члены литературно-театрального сообщества

«Зелёная лампа», которым руководит «Союз благоденствия» (декабристское общество). Не участвуя в деятельности первых тайных организаций, А.С. Пушкин поддерживает дружбу со многими декабристами, пишет политические эпиграммы и стихи («К Чаадаеву», «Вольность», «Деревня» и др.). В это же время Пушкин работает над поэмой «Руслан и Людмила», стремясь создать национальную богатырскую поэму.

Весной 1820 г. за эпиграммы на ряд высокопоставленных чиновников и императора Александра I А.С. Пушкина переводят в Кишинёв под начало генерала И.Н. Инзова. Инзов не стремился к роли строгого начальника и разрешил поэту отправиться в поездку на Кавказ и в Крым с генералом Н.Н. Раевским и его близкими. Благодаря этому путешествию на свет появились поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», несколько лирических стихотворений; некоторые из них посвящены дочерям Н.Н. Раевского — Екатерине, Елене и Марии, возник замысел романа в стихах «Евгений Онегин». Осенью 1820 г. Пушкин возвращается в Кишинёв. Служба в Кишинёве под началом генерала Инзова оказалась несложной, и поэт продолжает активно заниматься литературным трудом: Пушкин обдумывает сюжеты «Мстислава» и «Вадима», создаёт сатирическую поэму «Гаврилада», поэму «Братья-разбойники», начинает работу над романом в стихах «Евгений Онегин». Четырёхлетнее пребывание Пушкина на юге — новый романтический этап развития его как поэта. Стержнем его произведений стало отражение эмоционального состояния человека, раскрытие его внутренней жизни. Для пушкинской поэзии этого времени характерны выразительная сила и лаконизм.

В 1824 г. полицией в Москве было вскрыто письмо Пушкина, где тот писал об увлечении «атеистическими учениями». Это послужило причиной отставки поэта 8 июля 1824 г. от службы. Он был сослан в имение своей матери Михайловское и провёл там два года (до сентября 1826 г.). Несмотря на тяжёлые переживания, первая Михайловская осень была плодотворной для поэта, он много читал, размышлял, работал. Пушкин завершает начатые в Одессе стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом», где формулирует своё профессиональное кредо, «К морю» — лирическое раздумье о судьбе человека эпохи Наполеона и Байрона, поэму «Цыганы», продолжает писать роман в стихах «Евгений Онегин». Осенью 1824 г. поэт возобновляет работу над автобиографическими записками, обдумывает сюжет народной драмы «Борис Годунов», пишет шуточную поэму «Граф Нулин». Всего в Михайловском поэтом создано около ста произведений (например, «Я помню чудное мгновенье...», посвящённое А. Керн). 8 сентября 1826 г. А.С. Пушкина возвращает из ссылки император Николай I. Именно в конце 20-х гг. возникает в творчестве поэта интерес к личности Петра I, который становится героем начатого романа «Арап Петра Великого» и поэмы «Полтава». В рамках «Полтавы» поэт объединил несколько серьёзных тем: взаимоотношений России и Европы, объединения народов, счастья и драмы частного человека на фоне исторических событий. К этому времени в творчестве поэта исторический и социальный анализ действительности сочетается с осознанием окружающего мира, что наполняет его творчество ощущением тревоги, ведёт к вторжению фантастики, рождает горестные воспоминания и интерес к смерти.

Пушкин чувствует необходимость перемен в своей жизни. В 1830 г. после сватовства к Н.Н. Гончаровой, своей будущей жене, он отправляется в имение

Болдино. Из-за эпидемии холеры Пушкин задержался в имении на три месяца, и эта пора стала высшей точкой творчества поэта. Болдинской осенью Пушкиным было создано множество произведений: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» («Повести Белкина»), «Опыт драматических изучений» («Маленькие трагедии»), последние главы «Евгения Онегина», «Домик в Коломне», «История села Горюхина», «Сказка о попе и работнике его Балде» и около 30 стихотворений. Стихотворные произведения этого периода очень разнообразны с точки зрения жанров и тем. «Повести Белкина» — это своего рода записки обыкновенного человека, который, наполняет из пересказом услышанных историй, поразивших его своей необычностью. «Повести...» определили дальнейшее направление творчества Пушкина: последние шесть лет его жизни он обращался преимущественно к прозе.

После свадьбы с Н.Н. Гончаровой (18 февраля 1831 г.) Пушкин переезжает в Петербург, где завершает работу над романом в стихах «Евгений Онегин». Осенью 1833 г. на полтора месяца Пушкин возвращается в Болдино, где завершает работу над «Историей Пугачёва» и «Песнями западных славян», начинает работу над повестью «Пиковая дама», создаёт поэмы «Анджело» и «Медный всадник», «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о мёртвой царевне и семи богатырях», стихотворение «Осень».

В ноябре 1833 года Пушкин возвращается в Петербург. В творчестве поэта назрели изменения. Он настойчиво экспериментирует теперь с прозаическими жанрами, которые не удовлетворяют его вполне, остаются в замыслах, набросках, черновиках, ищет новые формы литературы. В 1834 г. в Болдине была написана лишь «Сказка о золотом петушке», а в 1835 г. в Михайловском Пушкин работал над «Сценами из рыцарских времён», «Египетскими ночами», а также создал стихотворение «Вновь я посетил». Летом 1836 г. Пушкин создаёт свой последний поэтический цикл («каменно-могильской»), в который вошло знаменитое стихотворение «Памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»). В этом же году печатается итоговый роман Пушкина «Капитанская дочка».

27 января 1837 г. на Чёрной речке состоялась дуэль Пушкина и Дантеса, на которой Пушкин был смертельно ранен: пуля перебила шейку бедра и проникла в живот. 29 января А.С. Пушкин скончался.

К ЧААДАЕВУ²

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье;
Под гнётом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждём с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждёт любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,

Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!³

³Стихотворение адресовано русскому писателю, философу, офицеру и близкому другу А. С. Пушкина – Петру Яковлевичу Чаадаеву, который с 1821 года являлся членом тайного декабристского общества - Союз благоденствия. Это одно из наиболее популярных политических стихотворений Пушкина, сыгравших большую агитационную роль в кругу декабристов.

1818

К*⁴**

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В унынье робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнанием и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девицы милой,
Хоть лёгкий шум её шагов.
1820

УЗНИК

Сижусь за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синюют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»⁵
1822

*****⁶**

⁴ Первоначально, стихотворение было посвящено Елене или Екатерине Раевской, однако в 1826 г. А.С. Пушкин переадресовал его своей однофамилице, к которой он тогда сватался – Софье Фёдоровне Пушкиной

⁵ Стихотворение создано в период южной ссылки и выражает душевное состояние поэта. Оно написано в то же время под впечатлением ареста друга А.С. Пушкина декабриста В.Ф. Раевского; беседы с арестантами в кишиневском остроге. Также в стихотворении переданы личные ощущения самого Пушкина, находившегося три недели под домашним арестом.

⁶ Стихотворение А.С. Пушкина обращено к Амалии Ризнич - жене итальянского купца,

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать моё воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то
унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их
страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг
жестокой!

Хочу ль бежать с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; весёлый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи ещё: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.
1823

К МОРИЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной

жившего в Одессе, которая в мае 1824 г. уехала в Италию, а через год умерла от чахотки.

Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум
призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты выиграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтической побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,⁷
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...⁸
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

⁷ Имеется в виду чувство к Е.К. Воронцовой

⁸ Речь идет о острове св. Елены, где с 1815 г. находился в заключении Наполеон

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,⁹
Оставляя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нём означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могуч, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел. Где же куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля орага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.
1824

СОЖЖЁННОЕ ПИСЬМО¹⁰

Прощай, письмо любви! прощай: она
велела...

Как долго медлил я! как долго не
хотела

Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо
любви.

Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои
приемлет...

⁹ Речь идет об английском поэте-романтике

Байроне, который умер в Греции во время участия
в национально-освободительной борьбе греков

¹⁰ Стихотворение посвящено Елизавете
Ксаверьевне Воронцовой.

Минуту!.. вспыхнули! пылают - лёгкий
дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата
впечатленья,
Растопленный сургуч кипит... О
провиденье!
Свершилось! Тёмные свернулись
листы;
На лёгком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел
милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной
груди...
1825

***¹¹

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи, —
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный след твой обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пусть же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман
1825

К ***¹²

¹¹ Стихотворение связано с «кольцом-талисманом», подаренным А. С. Пушкину в Одессе Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душа настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.
1825

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалай
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка

¹² Одно из самых известных стихотворений А. С. Пушкина; адресовано Анне Петровне Керн племяннице соседки Пушкина П. А. Осиповой по имению, которая гостила летом 1825 года в Тригорском. В первой строфе поэт вспоминает первую встречу с Керн, в 1819 году, в Петербурге, в доме Олениных.

И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.
1825

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился.
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вечные зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,

И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».¹³
1826

ПРИЗНАНИЕ¹⁴

Я вас люблю, хоть и бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, - я зеваю;
Помесяч мне грустно, - я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш лёгкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнётесь - мне отрада;
Вы отвернётесь - мне тоска;
За день мучения - награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,-
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам моё несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь в даль?
И ваши слёзы в одиночку,
И речи в уголку вдвоём,
И путешествия в Опочку,

¹³ В образе пророка А.С. Пушкин видел поэта.

¹⁴ Стихотворение А. С. Пушкина обращено к Александре Ивановне Осиповой (впоследствии, по мужу, Беклешовой).

И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!
1826

И.И.ПУЩИНУ¹⁵

Мой первый друг, мой друг
бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!
1826

НЯНЕ¹⁶

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На чёрный отдалённый путь;
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

¹⁵ Стихотворение обращено к ближайшему другу А. С. Пушкина с лицейских лет, декабристу Ивану Ивановичу Пущину, приговоренному к пожизненной каторге. Написано 13 декабря, накануне первой годовщины восстания на Сенатской площади.

¹⁶ Стихотворение было написано спустя полтора месяца по возвращении из ссылки в Михайловское, где А. С. Пушкин жил в течение двух лет со своей няней Ариной Родионовной.

1826

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам нарядного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит от дикой и суровой,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
Ещё широкошумные дубровы...

1827

***¹⁷

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

¹⁷ Стихотворение является посланием к декабристам, сосланным в Сибирь на каторгу. Очень многих из них А. С. Пушкин знал лично. Двое — И.И. Пущин и В.К. Кюхельбекер — были его лицейскими товарищами. Свое послание декабристам А. Пушкин вручил жене одного из них, А.Г. Муравьевой, уезжавшей из Москвы в начале января 1827 года к мужу — Никите Муравьеву — в Сибирь.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут - и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.
1827

АНЧАР

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мёртвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набезит
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принёс он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принёс — и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал

Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.
1828

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный -
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печально сидела -
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.
1829

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.
1829

***¹⁸

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.
1829

***¹⁹

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя
светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит —
оттого,
Что не любить оно не может.
1829

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовью народней.
Восторженных похвал не оидёт
минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы
холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и
угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою
свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг
благородный.

¹⁸ Стихотворение А.С. Пушкина является посвящением, обращенным к дочери президента Академии художеств Анне Алексеевне Олениной, за которую поэт в одно время сватался.

¹⁹ Стихотворение обращено к М.Н. Волконской, с которой поэт общался на Северном Кавказе в 1820 г.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший
суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой
труд.
Ты им доволен ли, взыскательный
художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь
горит,
И в детской резвости колеблет твой
треножник.
1830

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат
печальный
Блеснёт любовь улыбкою прощальной.
1830

МАДОННА

Не множеством картин старинных
мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моём, среди медленных
трудов,
Одной картины я желал быть вечно
зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с
облаков,
Пречистая и наш божественный
спаситель -

Она с величием, он с разумом в очах -
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя
Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший
образец.²⁰
1830

К***²¹

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно
предаваться;
Спокойствие моё я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж
порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдёт передо мной
Младое, чистое, небесное создание,
Пройдёт и скроется?.. Ужель не можно
мне,
Любуясь девою в печальном
сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять её на радость и на
счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни
сей,
Весёлый мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастье того, кто избран
ей,
Кто милой деве даст название супруги.
1832

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним

²⁰ Стихотворение А. С. Пушкина обращено к невесте, а впоследствии жене, Н.Н. Гончаровой.

²¹ Данное стихотворение А. С. Пушкина обращено к известной красавице XIX века – графине Надежде Львовне Сологуб

Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в тёмный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грёз.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решётку как зверка
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.
1833

***²²

Пора, мой друг, пора! покоя сердце
просит —
Летят за днями дни, и каждый час
уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз
умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и
воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых
нег.
1834

²² Стихотворение А.С. Пушкина обращено к жене – Н.Н. Гончаровой

* * *

Elegi

monimentum.23

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.²⁴

Нет, весь я не умру - душа в заветной
лире
Мой прах переживёт и тленья убежит -
И славен буду я, доколь в подлунном
мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси
великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне
дикий
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой
пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я
свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь
послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.²⁵
1836

²³ "Я воздвиг памятник" (лат.). Эпиграф взят из произведений Горация, знаменитого римского поэта (65-8 гг. до н. э.).

²⁴ Александрійский столп - колонна, поставленная в честь царя Александра I на Дворцовой площади в Петербурге.

²⁵ Стихотворение А.С. Пушкина написано на тему оды Горация «К Мельпомене» (XXX ода книги III),

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

(Отрывок)

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны

СКАЗКА О МЁРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись гляючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьётся сьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И к обедне умерла.
Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;

На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух — там Русью пахнет!
1818-1820

Где прошёл как сон пустой,
Царь женился на другой.
Гривду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! Скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами,
И вертеться подбочась,

Гордо в зеркальце глядясь.
Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.
На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее».
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку захватит,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врѣшь ты мне на зло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лицом и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всѣм меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?» Зеркальце в ответ:
«А царевна всё ж милее,
Всѣ ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Чѣрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,

Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.
Чѣрт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».
А сама ушла домой.
«Что? — сказала ей царица, —
Где красавица девица?»
— Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она. —
Крепко связаны ей локти;
Попадѣтся зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть.
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей душой,
За невестой молодой.
Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей на встречу пѣс, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пѣс бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялась на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,

И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно!
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.
Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать.
Так и станем величать
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».
И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломилла,
Да кусочек прикусила,

И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
День за днём идёт, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хо-люшкой она
Рядет ему меж тем одна
Гриберёт и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечут ей они.
Так идут за днями дни.
Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?»
«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит, —
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,

Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».
Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том». — «Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.
Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! Скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?»
И ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, слову чет;
Но живет без веткой славы,
Средь зелёных дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей».
И царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чём!..»
Та призналася во всём:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.
Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом

Пёс залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко, —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу».
Отвечает ей черница:
«Ох ты, дитяtko девица!
Пёс проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне». — Царевна хочет
Выдти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пёс ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдёт старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Ридно, выпался он худо, —
Ей царевна говорит: —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала:
«Благодарствую, — сказала. —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!»
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...
Пёс как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хвать — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед».
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пёс бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воеет,
Словно сердце пёсье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села

Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто мёдом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда; не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закаталися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...
Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им на встречу, грозно воя,
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажет. «Не к добру! —
Братья молвили: — печали
Не минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглаз
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, сралился
И издох. Напоего
Было ядом, звать, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный

Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградили;
И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: «Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному».
В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».
За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрён;
Кто в глаза ему смеётся,
Кто скорее отвернётся;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с тёплой весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать её в живых уж нет.

Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь её да встретил
Или след её заметил».
Тёмной ночи Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаёшь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Братец мой,
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала». — «Как обидно!» —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай».
Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая
«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених её». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов

Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста».
Ветер далёко побежал.
Королевич зарыдал
И пошёл к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идёт; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою тёмный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами,
И, гадаясь над цепями,
Гриздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встаёт она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он её берет
И на свет из тьмы несёт,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубят уже молва:
Дочка царская жива!
Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним.
Говоря: «Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь её похоронили,

Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира

Не видал такого пира;
Я там был, мёд, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.
1833

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН (ОТРЫВКИ)

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ ОНЕГИНУ²⁶

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам скучно,
А мы... ничем мы не блещим,
Хоть вам и рады просто, шумно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...

То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть рождён, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слёзы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжёлый перерви,

²⁶ «Письмо Татьяны к Онегину» является частью III главы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...

Стыдом и страхом замираю...

ПИСЬМО ОНЕГИНА К ТАТЬЯНЕ²⁷

Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встретья,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Ещё одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюблёнными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишён того: для вас
Тащусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу

Но мне порукой ваша честь,

И смело ей себя вверяю...

1824

Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днём увижусь я...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас весёлым взглядом!..
Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.
1829-1830

²⁷ Стихотворение «Письмо Онегина к Татьяне», является частью VIII главы романа в стихах А.С.Пушкина «Евгений Онегин».

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814-1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов — русский поэт, прозаик, драматург, художник. Творчество М.Ю. Лермонтова, в котором сочетаются гражданские, философские и личные мотивы, отвечавшее потребностям духовной жизни русского общества, ознаменовало собой новый этап русской литературы. Оно оказало большое влияние на многих русских писателей и поэтов XIX и XX веков. Произведения Лермонтова получили большой отклик в живописи, театре, кинематографе. Его стихи стали подлинным кладом для оперного, симфонического и романсного творчества, многие из них стали народными песнями.

Ранняя смерть матери и ссора отца с бабушкой Е.А. Арсеньевой тяжело сказались на формировании личности поэта. Лермонтов воспитывался у бабушки в имении Тарханы Пензенской губернии; получил превосходное домашнее образование (иностранные языки, рисование, музыка). Романтический культ отца и соответствующая трактовка семейного конфликта отразились позднее в драмах «Люди и страсти» (1830), «Странный человек» (1831). Значимы для формирования Лермонтова и предания о легендарном основоположнике его рода шотландском поэте Томасе Лермонте. К сильным впечатлениям детства относятся поездки на Кавказ (1820, 1825). С 1827г. Лермонтов живёт в Москве. Он обучается в Московском университетском благородном пансионе (1828-1830), позднее в Московском университете (1830-1832) на нравственно-политическом, затем словесном отделении. Пережитые в 1830-1832 гг. увлечения Е.А. Сушковой, Н.Ф. Ивановой, В.А. Лопухиной становятся материалом для лирических циклов. Одновременно Лермонтов работает над романтическими поэмами «Черкесы» (1828), «Измаил-бей» (1832), «Литвак» (1832). К началу 1830-х гг. М.Ю. Лермонтов находит своих лирических героев, которые отражают собственную личность поэта: падший дух, сознательно проклявший мир и избравший зло (поэма «Демон», 1829), и чистый душой страдалец, мечтающий о свободе (поэма «Исповедь», 1831). Оставив университет, М.Ю. Лермонтов в 1832 г. переезжает в Петербург и поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; которую оканчивает в 1834 г. в звании корнета Лейб-гвардии гусарского полка. В это же время Лермонтов работает над романами «Вадим» (не закончен), «Княгиня Лиговская» (1836) и драмой «Маскарад» (1835). К началу 1837 у Лермонтова нет литературного статуса: многочисленные стихотворения («Ангел» (1831); «Парус» (1831); «Русалка» (1832); «Умиравший гладиатор» (1836) и т.д.) в печать не отданы, романы не закончены. Драма «Маскарад» не пропущена цензурой. Опубликованная поэма «Хаджи Абрек» (1834) не вызвала у читателей интереса. Слава к Лермонтову приходит со стихотворением «Смерть поэта» (1837), написанным на смерть А.С. Пушкина. Заключительные строки стихотворения с резкими выпадами против высшей аристократии вызвали гнев Николая I. 18 февраля 1837 г. Лермонтов был арестован и переведён прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ. Ссылка продлилась до октября 1837: Лермонтов извездил Кавказ, побывал в Тифлисе, лечился на водах (здесь произошло знакомство со ссыльными декабристами); изучал восточный фольклор (запись сказки «Ашик-Кериб»). Публикация в 1837г. стихотворения «Бородино» упрочила славу поэта. С 1838 по 1840 г. Лермонтов служит в Лейб-гвардии гусарском полку, уверенно завоевывая мир литературы. Устанавливаются связи с пушкинским кругом: семейством Карамзиных, П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, А.А. Краевским. Благодаря этому в 1838 г. печатается поэма «Тамбовская казначейша», «Песня про

царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», систематически сотрудничает с журналом «Отечественные записки». В зрелой лирике Лермонтова преобладает тема современного ему общества, безвольного, не способного на действие, страсть, творчество. Не отделяя себя от своего поколения («Дума», 1838), высказывая сомнения в возможности существования поэзии в николаевской России («Поэт» 1838; «Не верь себе» 1839; «Журналист, читатель и писатель» 1840), скептически оценивая жизнь («И скучно, и грустно...», 1840), Лермонтов ищет гармонию в героическом прошлом («Бородино», 1837), в народной культуре («Казачья колыбельная песня», 1838), в чувствах ребенка («Как часто пёстрою толпою окружён...», 1840) или человека, сохранившего детское мировосприятие («Памяти А.И. О<доевского>», 1839; «М.А. Щербатовой», 1840). Богоборчество («Благодарность», 1840), мотивы невозможности любви и губительной красоты («Три пальмы», 1839; «Утёс», «Тамара», «Листок», «Морская царевна», все 1841) соседствуют с поиском душевной умиротворенности («Родина», «Спор», оба 1841). Колебание между земным и небесным, проклятьем и благословением присуще и поэмам Лермонтова последней редакции «Демона» и «Мцыри» (обе 1839). В 1838-1840 гг. написан роман «Герой нашего времени», в котором исследуется феномен современного человека. Появление романа (апрель 1840) и единственного прижизненного сборника «Стихотворения М. Лермонтова» (октябрь 1840) стали литературными событиями эпохи. Дуэль Лермонтова с сыном французского посла Э. де Барантом в феврале 1841 г. привела к аресту и переводу в Тенгинский пехотный полк. Через Москву поэт отправляется на Кавказ, где принимает участие в боевых действиях (сражение на реке Валерик, описанное в стихотворении «Я к вам пишу случайно право...»), за что представляется к наградам (вычеркнут из списков императором Николаем I). Зимой 1840-1841 гг., оказавшись в отпуске в Петербурге, Лермонтов пытался выйти в отставку, мечтая полностью посвятить себя литературе, но не решился сделать это. Весной 1841 г. поэт вернулся в свой полк на Кавказ. В Пятигорске произошла его ссора с майором в отставке Н. Мартыновым, которая привела к дуэли. Дуэль произошла 15 июля 1841 г. Лермонтов выстрелил вверх, Мартынов — прямо в грудь поэту. Похороны Лермонтова состоялись 17 июля 1841 г. на старом пятигорском кладбище. Тело поэта покоилось в пятигорской земле 250 дней. 21 января 1842 г. бабушка Лермонтова, Е.А. Арсеньева обратилась к императору с просьбой на перевозку тела внука в Тарханы. 23 апреля 1842 г. прах Лермонтова был погребён в фамильной часовне-усыпальнице в Тарханах.

ПОЭТ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал:
Своим искусством восхищённый
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомлённый и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснёт,
Как он пером своим прольёт
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поёт, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.
1828

ЖАЛОБЫ ТУРКА

Ты знал ли дикий край, под знойными
лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобы дань
несут?
Где сердце жителей волнуемо
страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и вёрдые как камень?
Но мощь их давится безвременной
тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный
пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для
людей,
Там за утехами несётся укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!
Друг! этот край... моя отчизна!

P. S. Ах! если ты меня поймёшь,
Прости свободные намёки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? - все мы человеки!
1829

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

1
В уме своём я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья:
Вдруг зимних бурь раздался грозный
вой, -
И рушилось неверное созданье!..

2
Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный, и свободный!..

3
Он громкий звук внезапно раздаёт,
В честь девы, милой сердцу и
прекрасной, -
И звук внезапно струны оборвёт,
И слышится начало песни!- но
напрасно! -
Никто конца её не допоёт!..
1829

МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в
здесьнем свете.
К чему глубокие познания, жажда
славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем.
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветём недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером
небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Её однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность
наша,
И быстро злобы яд её мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.
1829

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России чёрный год,

Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь - и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! - твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.
1830

Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я,
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
И я, лишённый вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Измены душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слёз, ни пламенных страстей.
1830

Боюсь не смерти я. О, нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу - и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Моё свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж вами
По разрушение! - Творец,
На то ли я звучал струнами,

На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти –
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет:
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет
1830

К ***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь
суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный
взор

Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенёс,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слёз

Гораздо мучительней будет.²⁸
1830-1831

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный
щит,
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробуждён,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рождён, но нездешний
душой...

О! зачем я не ворон степной?
1831

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворён;
Но для чего живу страдаю,
Про это больше знает он.

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,

²⁸ Стихотворение обращено к возлюбленной М. Ю. Лермонтова Н.Ф. Ивановой

Для мира и небес чужой;

Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни,
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.
1831

К ***

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоём!

Так поток весенний отражает
Свод небес далёкий голубой
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть, тогда гремят они меж нами,
Я рождён, чтобы не жить без них.

Я рождён, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводитель.
Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.²⁹
1832

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей как в океане
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто

²⁹ Стихотворение обращено к возлюбленной М.Ю. Лермонтова В.А. Лопухиной.

Толпе мои расскажет думы?
Я - или бог - или никто!
1832

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит;
Увы! - он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой:
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
1832

БОРОДИНО

- Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

- Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри - не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.

У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки –
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратсья до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Пролётг вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте же под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,

Драгуны с конскими хвостами,
Всё промелькнули перед нам,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась - как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий

КИНЖАЛ

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя
ковал,
На грозный бой точил черкес
свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставая,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе
текла,
Но светлая слеза - жемчужина
страданья.

И чёрные глаза остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог
немой,
И страннику в тебе пример не
бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду твёрд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.
1837

Когда волнуется желтеющая нива,

Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны –
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри - не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!
1837

И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером или утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный
сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога!..
1837

СМЕРТЬ ПОЭТА

*Отмщенье, государь,
отмщенье!*

*Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и
накажи убийцу,
Чтоб казнь его в
позднейшие века*

Твой правый суд
потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в
ней пример.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.
Его убийца хладнокровно
Навёл удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?... издалёка,
Подобный сотням беглецов
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по роле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой ямки и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сражённый, как и он, безжалостной
рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы
простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и
душный

Для сердца вольного и пламенных
страстей?
Зачем он руку дал клеветникам
ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам
ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — они венец
терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шёпотом насмешливых
невежд,
И умер он — с напрасной жаждой
мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Голос певца угрюм и тесен,
И на устах его печать. —

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных
отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники
разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к
злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей чёрной
кровью
Поэта праведную кровь!
1837

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее - иль пусто, иль темно,

Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью - презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты - его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережём в груди остаток чувства –
Зарытый скучностью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.
1838

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал
Наследье бранного востока.

Назднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну порвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и обидным.

Он взят за Терекom отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь с зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты,
поэт,
Своё утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой
свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих
слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для
пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над
толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой
язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир
привык
Морщины прятать под румяны...

Проснёшься ль ты опять, осмеянный
пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой
клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..
1838

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И как преступник перед казнью
Ищу кругом души родной;
Придёт ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать - что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную

Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишённый сока
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.
1838

ТРИ ПАЛЬМЫ (ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы
бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Кылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь
увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели
мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой
приговор!»

И только замолкли - в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...

И, стан худощавый к луке наклона,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый
стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в
беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя,
караван:
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных
гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве
бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и
холодный;
И солнце остатки сухие дожгло
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремучим
ключом:
Напрасно пророка о тени он просит –
Его лишь песок раскалённый заносит,
Да коршун хохлатый, степной
нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.
1839

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!

Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же,
изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.
1840

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мудры голубые,³⁰
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.
1840

Как часто, пёстрою толпою окружён,
Когда передо мной, как будто бы
сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шёпоте затверженных
речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц
городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне

³⁰ речь идет о жандармах III отделения

Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребёнком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зелёной сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветёт на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнёт мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить весёлость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..
1840

И скучно и грустно! - и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...

Желанья... что пользы напрасно и
вечно желать?
А годы проходят - все лучшие годы!

Любить - но кого же? - на время не
стоит труда,
А вечно любить невозможно...
В себя ли заглянешь? - там прошлого
нет и следа,
И радость, и муки, и все там ничтожно.

Что страсти? - ведь рано иль поздно их
сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным
вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка!
1840

ПРОРОК

Степ пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
Е отах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»
1841

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною
любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в
телеге
И, взором медленным пронзая ночи
тьнь,
Встречать по сторонам, вздыхая о
ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь жёлтой жнивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим неизвестной
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.
1841

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.
1841

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь
блестит;
Ночь тиха. Пустыня знемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух
лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.
1841

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ (1809-1852)

Николай Васильевич Гоголь — русский писатель, драматург, критик, публицист. Происходил из старинного дворянского рода Гоголь-Яновских. Отец Гоголя был драматургом-любителем, он служил секретарем у Д.П. Троицкого, который держал домашний крепостной театр (для него требовались пьесы). Также в доме у Троицкого была большая библиотека, в которой Гоголь читал все

детство. Вначале Гоголь учился в Полтавском уездном училище (1818-19), потом брал частные уроки у полтавского учителя Гавриила Сорочинского, а в 1821 г. поступил в Нежинскую гимназию высших наук. Учился Гоголь средне, зато отличался в гимназическом театре как актёр и декоратор. К гимназическому периоду относятся первые стихотворения и проза, например, сатира «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан» (не сохранилась). Но больше всего Гоголя занимает в это время мысль о государственной службе. По окончании гимназии Гоголь в 1828 г. приезжает в Петербург, где его подстерегает разочарование: не удастся получить желаемого места; поэма «Ганц Кюхельгартен», изданная в 1829 г. (под псевдонимом В. Алов), не пользуется успехом; к этому прибавились любовные переживания, о которых он говорил в письме к матери (от 24 июля 1829). Всё это заставляет уехать Гоголя в Германию. По возвращении в Россию (сентябрь 1829 г.) Гоголь получает место в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий, а затем в Департамент уделов. Чиновничья деятельность не удовлетворяет Гоголя; зато новые его публикации (повесть «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», статьи и эссе) пользуются успехом у читателей. Писатель знакомится с В.А. Жуковским и А.С. Пушкиным. В 1831 г. выходит первая часть сборника повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» (в 1832 г. появилась вторая часть), насыщенного украинским этнографическим и фольклорным материалом, отмеченный романтическими настроениями, лиризмом и юмором. После выхода «Вечеров...» Гоголь становится признанным писателем. К концу 1835 г. он оставляет поприще педагогики (с лета 1834 г. занимал должность адъюнкт-профессора всеобщей истории Санкт-Петербургского университета) и целиком посвящает себя литературному труду. В этот же год выходят два сборника прозаических произведений «Арабески» и «Миргород»; начата работа над поэмой «Мёртвые души», закончена в основном комедия «Ревизор», написана первая редакция комедии «Женихи» (будущей «Женитьбы»). Повести из сборников «Миргород» и «Арабески» открывают реалистический период творчества Гоголя. В тематически близком к «Вечерам...» («малороссийская» жизнь), «Миргороде», объединившем повести «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь рисует обыкновенную современную жизнь, которая оттеняется героическим и колоритным прошлым. Мир «петербургских повестей» из «Арабесок» («Невский проспект», «Занежка сумасшедшего», «Портрет»; опубликованные позже «Нос» (1836) и «Шпатель» (1842)) — это мир современного города с его острыми социальными и этическими конфликтами. Гротескное начало «петербургских повестей» получило развитие в комедии «Ревизор» (постановка 1836) как фантазмагория чиновничье-бюрократического мира. Главной задачей этой комедии было собрать воедино всё самое плохое, что есть в России. Гоголь последовательно показывает все пороки общества; каждым из действующих лиц движет страх, за каждым из них — вереница пороков. В июне 1836 г. Гоголь уезжает за границу, где провёл в общей сложности более 12 лет, если не считать двух приездов в Россию в 1839-40 и в 1841-42. Писатель жил в Германии, Швейцарии, Франции, Австрии, Чехии, но дольше всего в Италии, продолжая работу над «Мёртвыми душами», сюжет которых (как и «Ревизора») был подсказан ему А.С. Пушкиным. В поэме-романе «Мёртвые души» (1-й том 1842) сатирическое осмеяние помещичьей России соединилось с пафосом духовного преображения человека. Одновременно раскрывалась и вся глубина ключевого мотива поэмы: понятие «мёртвая душа» и противопоставление «живой» - «мёртвой». После выхода первого тома «Мёртвых

души» (1842) работа над вторым томом (начатым еще в 1840) протекала мучительно. Летом 1845 г. в тяжёлом душевном состоянии Гоголь сжигает рукопись этого тома. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847) писатель говорил о необходимости внутреннего христианского воспитания и перевоспитания каждого человека, потому что без этого невозможны общественные улучшения. Последние годы стали самыми мрачными в жизни Гоголя: абсолютно больной, он пишет второй том поэмы «Мертвые души» и даже готов издать его, однако в ночь с 11 на 12 февраля 1852 г. в состоянии глубокого душевного кризиса писатель сжигает новую редакцию второго тома. Через несколько дней, утром 21 февраля Гоголь умирает.

ШИНЕЛЬ

В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своём оскорбленным все общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идет дело, мы назовем одним департаментом. Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подделочват, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным... Что ж делать! виноват петербургский климат. Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник, над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться. Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки. Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вот как. Родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка. Матушка ещё лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трёх, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребёнка во имя мученика Хоздазата. «Нет, - подумала покойница, - имена-то все такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, - проговорила старуха, - какие все имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы еще Варадат или Варух, а то

Трифилей и Варахасий». Еще перевернули страницу – вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, - сказала старуха, - что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошел Акакий Акакиевич. Ребёнка окрестили, причём он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. Итак, вот каким образом произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно. Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько не переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма, так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приёмную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже «перепишите», или «вот интересное, хорошенькое дельце», или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право. Он брал и тут же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьёт его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докуч он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невнятная шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нём слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзённый, и с тех пор как будто всё переменилось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых весёлых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» – и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своём, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утончённой, образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, – нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и

помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да нажил геморрой в поясницу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тёр лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своём платье: вицмундир у него был не зелёный, а какого-то рыжевато-мучного цвета. Воротничок на нем был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длиною, как у тех гипсовых котёнок, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник, грозящий до того пронизательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремелка, — что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его.

Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щёку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы. Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок голядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел все это с мухами и со всем тем, что им посылал бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесённые на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, — когда всё уже отдохнуло после департаментского скрыпенья перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задаёт себе добровольно, больше даже, чем нужно, неугомонный человек, — когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несётся в театр; кто на улицу, определяя его на рассматриванье кое-каких шляпенок; кто на вечер — истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет

просто к своему брату в четвёртый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний, – словом, даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлёбывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента, – словом, даже тогда, когда всё стремится развлечься, – Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись внаглую, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлёт переписывать завтра? Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами.

Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновники решительно не знают, куда девать их. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слёзы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Все спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натопаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замёрзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям. Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропегать в спину и плечо, несмотря на то что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трех местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка; сукно до того истёрлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновникам; от нее отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотом. В самом деле, она имела какое-то странное устройство: воротник ее уменьшался с каждым годом все более и более, ибо служил на подтачиванье других частей ее. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мешковато и некрасиво. Увидевши, в чем дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему где-то в четвёртом этаже по чёрной лестнице, который, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков, – разумеется, когда бывал в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия. Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то,

нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда. Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик. С этой стороны он был верен дедовским обычаям, и, споря с женой, называл ее мирскою женщиной и немкой. Так как мы уже заикнулись про жену, то нужно будет и о ней сказать слова два; но, к сожалению, о ней не много было известно, разве только то, что у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотою, как кажется, она не могла похвастаться; по крайней мере, при встрече с нею одни только гвардейские солдаты заглядывали ей под чепчик, моргнувши усом и испутивши какой-то особый голос.

Взбираясь по лестнице, ведущей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех чёрных лестницах петербургских домов, – взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович, и мысленно положил не давать больше двух рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов. Акакий Акакиевич прошел через кухню, не замеченный даже самою хозяйкою, и вступил наконец в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе и подвешившего под себя ноги свои, как турецкий паша. Ноги, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп. На шее у Петровича висел моток шёлку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три продевал нитку в игльное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не лезет, варварка; уела ты меня, шельма этакая!» Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришел именно в ту минуту, когда Петрович сердится: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражем, или, как выражалась жена его, «осадился сивухой, одноголазый черт». В таком состоянии Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякий раз даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходила жала, плачась, что муж-де был пьян и потому дешево взялся; но гривенник, бьющее, один прибавишь, и дело в шляпе. Теперь же Петрович был, казалось, в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламливать черт знает какие цены. Акакий Акакиевич смекнул это и хотел было уже, как говорится, на попятный двор, но уж дело было начато. Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз, и Акакий Акакиевич невольно выговорил: «Здравствуй, Петрович!» – «Здравствовать желаю, судырь», – сказал Петрович и покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нес.

«А я вот к тебе, Петрович, того...» Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...» – а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что все уже выговорил.

«Что ж такое?» – сказал Петрович и осмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его, начиная с воротника до рукавов, спинки, фалд и петель, – что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таков уж обычай у портных: это первое, что он сделает при встрече.

«А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах, совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да еще вот на плече одним немного попротёрлось, да вот на этом плече немножко – видишь, вот и всё. И работы немного...»

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четвероугольным лоскуточком бумажки. Понюхав табак, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою. Потом обратил его подкладкой вверх и вновь покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и, натащивши в нос табак, закрыл, спрятал табакерку и наконец сказал: «Нет, нельзя поправить: худой гардероб!»

У Акакия Акакиевича при этих словах ёкнуло сердце. «Отчего же нельзя, Петрович? – сказал он почти умоляющим голосом ребёнка. – Ведь только всего что на плечах поистерлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...»

«Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, – сказал Петрович, – да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронуть нельзя – а вот уж оно и ползёт».

«Пусть ползёт, а ты тотчас заплаточку».

«Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава что сукно, а подуй ветер, так разлетится».

«Ну, да уж прикрепи. Как же так, право, того!..»

«Нет, – сказал Петрович решительно, – ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придёт зимнее холодное время, наделайте из нее себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев); а шинель уж, видно, вам придется новую делать».

При слове «новую» у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и всё, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровичевой табакерки. «Как же новую? – сказал он, всё еще как будто находясь во сне. – Ведь у меня и денег на это нет». «Да, новую», – сказал с варварским спокойствием Петрович. – «Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...» – «То есть что будет стоить?» – «Да». – «Да три полсотни с лишком надо будет приложить», – сказал Петрович и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

«Полтора ста рублей за шинель!» – вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, в первый раз от роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

«Да-с, – сказал Петрович, – да ещё какова шинель. Если положить на воротник куницу да пустить капишон на шелковой подкладке, так и в двести войдёт».

«Петрович, пожалуйста», - говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов. - Как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь ещё послужила».

«Да нет, это выйдет: и работу убивать и деньги попусту тратить», - сказал Петрович, и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный. А Петрович, по уходе его, долго ещё стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, да и портного искусства тоже не выдал.

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. «Этаково-то дело этокое, - говорил он сам себе, - я, право, и не думал, чтобы оно вышло того...». А потом, после некоторого молчания, прибавил: «Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было эток». За сим последовало опять долгое молчание, после которого он произнес: «Так эток-то! вот какое уж, точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... этокое-то обстоятельство!» Сказавши это, он, вместо того чтобы идти домой, пошёл совершенно в противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил всё плечо ему; целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда только чем-то очнулся, и то потому, что будочник сказал: «Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуара?» Это заставало его оглянуться и поворотить домой. Здесь только он начал собирать мысли, увидел в ясном и настоящем виде своё положение, стал разговаривать с собою уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем, с которым можно поговорить о деле, самом сердечном и близком. «Ну нет», - сказал Акакий Акакиевич. - Теперь с Петровичем нельзя толковать: он теперь того... жена, видно, как-нибудь поколотила его. А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром: он после канунешной субботы будет косить глазом и заспавшись, так ему нужно будет опохмелиться, а жена денег не даст, а в это время я ему гривенничек и того, в руку, он и будет стоворчивее и шинель тогда и того...» Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил себя и дождался первого воскресенья, и, увидев издали, что жена Петровича куда-то выходила из дому, он прямо к нему. Петрович, точно, после субботы сильно косил глазом, голову держал к полу и был совсем заспавшись; но при всём том, как только узнал, в чём дело, точно как будто его чёрт толкнул. «Нельзя, - сказал, - извольте заказать новую». Акакий Акакиевич тут-то и всунул ему гривенничек. «Благодарствую. сударь, подкреплюсь маленечко за ваше здоровье», - сказал Петрович. - А уж об шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель уж я вам сошью на славу, уж на этом постоим».

Акакий Акакиевич ещё было насчет починки, но Петрович не дослышал и сказал: «Уж новую я вам сошью беспримерно, в этом извольте положиться, старанье приложим. Можно будет даже так, как пошла мода: воротник будет застегиваться на серебряные лапки под апплике».

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же, в самом деле, на что, на какие деньги её сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уж размещены и распределены вперед. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым

голенищам, да следовало заказать швее три рубахи да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слоге, – словом, все деньги совершенно должны были разойтись; и если бы даже директор был так милостив, что вместо сорока рублей наградных определил бы сорок пять или пятьдесят, то всё-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море. Хотя, конечно, он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг чёрт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что возьмёт работать, а теперь разнесла его нелёгкая запросить такую цену, какой и сам не стоит». Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмётся сделать; однако все же откуда взять эти восемьдесят рублей? Ещё половину можно бы найти: половина бы отыскалась; может быть, даже немножко и больше; но где взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина. Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запёртый на ключ, с прорезанною в крышке дырочкой для бросания туда денег. По истечении всякого полугода он ревизовал накопившуюся медную сумму и заменял ее мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и, таким образом, в продолжении нескольких лет оказалось накопившейся суммы более чем на сорок рублей. Итак, половина была в руках; но где же взять другую половину? Где взять другие сорок рублей? Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при её свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее, по камням и плитам почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подмётки; как можно реже отдавать прачке мыть бельё, а чтобы не занасивалось, то всякий раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкнуть к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность – словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник? Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул «ух!» и перекрестился. В продолжении каждого месяца он хотя один раз наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда все это купится и когда шинель будет сделана. Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Противу

всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей; уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Ещё какие-нибудь два-три месяца небольшого голодания – и у Акакии Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. В первый же день он отправился вместе с Петровичем в лавки. Купили сукна очень хорошего – и не мудрено, потому что об этом думали еще за полгода прежде и редкий месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был ещё лучше шёлку и даже на вид казистей и глянцевей. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога; а вместо её выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петрович провозился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петрович взял двенадцать рублей – меньше никак нельзя было: все было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры. Это было... трудно сказать, в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принёс наконец шинель. Он принёс её поутру, перед самым тем временем, как нужно было идти в департамент. Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили ещё более усилиться. Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново. Он вынул шинель из носового платка, в котором её принёс; платок был только что от прачки, он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плечи Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил её сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава, – вышло, что и в рукава была хороша. Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз впору. Петрович не упустил при сем случае сказать, что он так только, потому что живёт без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дёшево; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят пять рублей. Акакий Акакиевич об этом не хотел рассуждать с Петровичем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль. Он расплатился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент. Петрович вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго ещё смотрел издали на шинель и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть ещё раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо. Между тем Акакий Акакиевич шёл в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги он не заметил вовсе и очутился вдруг в

департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор швейцару. Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует. Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно вспырынуть новую шинель и что, по крайней мере, он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться. Он уже минут через несколько, весь покрасневшись, начал было уверять довольно простодушно, что это совсем не новая шинель, что это так, что это старая шинель. Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: «Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник». Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотою предложение. Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог отказаться. Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез то случай пройтись даже и вечером в новой шинели. Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил её бережно на стене, наобовавшись ещё раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся. Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далёкая разница! И долго ещё потом за обедом он всё усмеялся, как только приходило ему на ум положение, в котором находился капот. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал на постели, пока не потемнело. Потом, не затягивая дела, оделся, надел на плечи шинель и вышел на улицу. Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда чтонибудь в порядочном виде. Как бы то ни было, но верно, по крайней мере, то, что чиновник жил в лучшей части города, – стало быть, очень не далеко от Акакия Акакиевича. Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника улицы становились живее, населенней и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками, – напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колёсами по снегу, кареты с убранными козлами. Акакий Акакиевич глядел на все это, как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещённым окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной её, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой под губой. Акакий Акакиевич покачнул головой и усмеялся и потом

пошел своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, всё-таки у каждого сохраняется какое-то чутьё, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: «Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...» А может быть, даже и этого не подумал – ведь нельзя же залезть в душу человека и узнать всё, что он ни думает. Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника. Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже. Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош. Между ними, посреди комнаты, стоял самовар, шумя и испуская клубами пар. На стенах висели всё шинели да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами. За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожнёнными стаканами, сливочником и корзиною сухарей. Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошёл в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев. Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком, и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель. Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель. Потом, разумеется, все бросили и его и шинель и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста. Все это: шум, говор и толпа людей, – всё это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою: наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить в честь обновки по бокалу шампанского. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского. Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позаснуть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул её, снял с неё всякую пушинку, надел на плечи и опустил по лестнице на улицу. На улице всё ещё было светло. Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали, однако ж, длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены ещё общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги ещё доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчёт своего местопребывания. Акакий Акакиевич шёл в весёлом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошёл опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днём не так

веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались ещё глуше и уединённее: фонари стали мелькать реже – масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видными на другой стороне ее домами, которая глядела страшною пустынею.

Вдали, бог знает где, мелькал огонёк в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света. Весёлость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась. Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. «Нет, лучше и не глядеть», – подумал и шёл, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забило в груди. «А ведь шинель-то моя!» – сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник. Акакий Акакиевич хотел было уже закричать «караул», как другой приставил ему к самому рту кулак величиною в чиновничью голову, примолвив: «А вот только крикни!» Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка поленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. Через несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он чувствовал, что в поле холодно и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и, опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого чёрта бежит к нему издали и кричит человек. Акакий Акакиевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом кричать, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он, вместо того чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель. Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые ещё водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича. Когда же рассказал он, в чём дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего идти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех, и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрел в свою комнату, и как он провел там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого. Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришёл в десять – сказали опять: спит; он пришёл в одиннадцать часов – сказали: да нет частного дома; он в обеденное время – но писаря в прихожей никак не хотели

пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось. Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казённым делом, а что вот как на них пожалуется, так вот тогда они увидят. Против этого писаря ничего не посмели сказать, и один из них пошел вызвать частного. Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели или нет. Весь этот день он не был в присутствии (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своём, который сделался ещё плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же, многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, но предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, – итак, сумма оказалась самая бездельная. Один кто-то, движимый состраданием, решился, по крайней мере, помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он поспел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо, спишась и снесясь с кем следует, может заставить успешнее идти дело. Нечего делать, Акакий Акакиевич решился идти к значительному лицу. Какая именно и в чём состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, ещё значительнейшими. Не всегда найдётся такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впрочем, он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завёл, чтобы низшие чиновники все встречали его ещё на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь – титулярному или какому приходилось другому, и чтобы уже, таким образом, доходило дело до него. Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника. Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствия», и поставил у дверей каких-то капелдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли её всякому приходившему, хотя в «комнате присутствия» насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол. Приёмы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость. «Строгость, строгость и – строгость», – говаривал он обыкновенно и при последнем слове

обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя, впрочем, этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе; завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя вытяжку, пока начальник пройдет через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трёх фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» Впрочем, он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случалось быть с равными себе, он был ещё человек как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость, тем более что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше. В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамильярно, и не уронит ли он чрез то своего значения? И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрел таким образом титул скучнейшего человека. К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич, и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочем, кстати для значительного лица. Значительное лицо находилось в своем кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не виделся. В это время доложили ему, что пришел какой-то Башмачкин. Он спросил отрывисто: «Кто такой?» Ему отвечали: «Какой-то чиновник». – «А! может подождать, теперь не время», – сказал значительный человек. Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно пригнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговорили обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая друг друга по ляжке и приговаривая: «Так-то, Иван Абрамович!» – «Этак-то, Степан Варламович!» Но при всем том, однако же, велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней. Наконец наговорившись, а ещё более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: «Да, ведь там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти». Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенький вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: «Что вам угодно?» – голосом отрывистым и твёрдым, которому нарочно учился заранее у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, ещё за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился и, как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время, частиц «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с господином обер-полицмейстером или другим кем и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение

фамилиарным. «Что вы, милостивый государь, - продолжал он отрывисто, - не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, как водятся дела? Об этом вы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы её уже мне...»

«Но, ваше превосходительство, - сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нём была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом. - Я ваше превосходительство осмелился затрудить потому, что секретари того... ненадёжный народ...»

«Что, что, что? - сказал значительное лицо. - Откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей таких набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!» Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет. Стало быть, если бы он и мог назваться молодым человеком, то разве только относительно, то есть в отношении к тому, кому уже было за семьдесят лет. «Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоит перед вами? Понимаете ли вы это, понимаете ли это? Я вас спрашиваю». Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлёпнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание, и совершенно упоённый мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределённом состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

Как сошёл с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был ещё так сильно распечён генералом, да ещё и чужим. Он шёл по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуара; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырёх сторон, из всех переулков. Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будущи сказать ни одного слова; весь распух и слёг в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился доктор, то он, пощупавши пульс, ничего не нашелся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины; а впрочем, тут же объявил ему чрез полтора суток непременно капут. После чего обратился к хозяйке и сказал: «А вы, матушка, и времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог». Слышал ли Акакий Акакиевич эти произнесённые роковые для него слова, а если и слышал, произвели ли они на него потрясающее действие, пожалел ли он о горемычной своей жизни, - ничего это не известно, потому что он находился всё время в бреду и жару. Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним старый капот его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая

надлежащее распеканье, и приговаривает: «Виноват, ваше превосходительство!» – то, наконец, даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, отроду не слыхав от него ничего подобного, тем более что слова эти следовали непосредственно за слогом «ваше превосходительство». Далее он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять; можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не опечатавали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот. Кому всё это досталось, бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть. Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть её в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого всё же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира... Несколько дней после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож, с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует; но сторож должен был возвратиться ни с чем, давши отчёт, что не может больше прийти, и на запрос «почему?» выразился словами: «Да так, уж он умер, четвёртого дня похоронили». Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича, и на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставлявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклоннее и косее.

Но кто бы мог вообразить, что здесь ещё не все об Акакии Акакиевиче, что суждено ему на несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь. Но так случилось, и бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание. По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом сташенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы – словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нём тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы ещё только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдёргивания шинелей. В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели. Именно булочник какого-то квартала в Кирюшкином переулке схватил было уже совершенно мертвеца

за ворот на самом месте злодеяния, на покушении сдернуть фризную шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в своё время на флейте. Схвативши его за ворот, он вызвал своим криком двух других товарищей, которым поручил держать его, а сам полез только на одну минуту за сапог, чтобы вытащить оттуда тавлинку с табаком, освежить на время шесть раз на веку примороженный нос свой; но табак, верно, был такого рода, которого не мог вынести даже и мертвец. Не успел булочник, закрывши пальцем свою правую ноздрю, потянуть левою полгорсти, как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза. Покамест они поднесли кулаки протереть их, мертвеца и след пропал, так что они не знали даже, был ли он, точно, в их руках. С этих пор будочники получили такой страх к мертвецам, что даже опасались хватать и живых, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» – и мертвец-чиновник стал показываться даже за Калининским мостом, наводя немалый страх на всех робких людей. Но мы, однако же, совершенно оставили одно значительное лицо, который, по-настоящему, едва ли не был причиною фантастического направления, впрочем, совершенно истинной истории. Прежде всего долг справедливости требует сказать, что одно значительное лицо скоро по уходе бедного, распечённого в пух Акакия Акакиевича почувствовал что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо, его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то что чин весьма часто мешал им обнаруживаться. Как только вышел из его кабинета приезжий приятель, он даже задумался о бедном Акакии Акакиевиче. И с этих пор почти всякий день представлялся ему бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного распеканья. Мысль о нём до такой степени тревожила его, что неделю спустя он решился даже послать к нему чиновника узнать, что он и как и нельзя ли в самом деле чем помочь ему; и когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скоропостижно в горячке, он остался даже поражённым, слышал упреки совести и весь день был не в духе. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатление, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого нашёл порядочное общество, а что всего лучше – все там были почти одного и того же чина, так что он совершенно ничем не мог быть связан. Это имело удивительное действие на душевное его расположение. Он развернулся, сделался приятен в разговоре, любезен – словом, провёл вечер очень приятно. За ужином выпил он стакана два шампанского – средство, как известно, недурно действующее в рассуждении весёлости. Шампанское сообщило ему расположение к разным экстренностям, а именно: он решил не ехать ещё домой, а заехать к одной знакомой даме, Каролине Ивановне, даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо был уже человек немолодой, хороший супруг, почтенный отец семейства. Два сына, из которых один служил уже в канцелярии, и миловидная шестнадцатилетняя дочь с несколько выгнутым, но хорошеньким носиком приходили всякий день целовать его руку, приговаривая: *bonjour, papa*³¹. Супруга его, ещё женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку и потом, переверотивши её на другую сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочем, довольный домашними семейными нежностями, нашёл приличным иметь для дружеских отношений приятельницу в другой части города. Эта приятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такие уж задачи бывают на свете, и судить об них не наше дело. Итак, значительное лицо сошёл с лестницы, сел в сани и

³¹ Добрый день папа!

сказал кучеру: «К Каролине Ивановне», – а сам, закутавшись весьма роскошно в тёплую шинель, оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть когда сам ни о чем не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их. Полный удовольствия, он слегка припоминал все весёлые места проведённого вечера, все слова, заставившие хохотать небольшой круг; многие из них он даже повторял вполголоса и нашёл, что они всё так же смешны, как и прежде, а потому не мудрено, что и сам посмеивался от души. Изредка мешал ему, однако же, порывистый ветер, который, выхватившись вдруг бог знает откуда и неведь от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлопуча, как парус, шинельный воротник или вдруг с неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, таким образом, вечные хлопоты из него выкарабкиваться. Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошёл все границы, когда он увидел, что рот мертвеца искривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнёс такие речи: «А! так вот ты наконец! Наконец я тебя того, поймал за воротник! Твоей-то шинели мне и нужно! Не похлопотал об моей, да еще и распёк, – отдавай же теперь свою!» Бледное значительное лицо чуть не умер. Как ни был он характерен в канцелярии и вообще перед низшими, и хотя, взглянувши на один мужественный вид его и фигуру, всякий говорил: «У, какой характер!» – но здесь он, подобно весьма многим, имеющим богатырскую наружность, почувствовал такой страх, что не без причины даже стал опасаться насчёт какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже скинул поскорее с плеч шинель свою и закричал кучеру не своим голосом: «Пошёл во весь дух домой!» Кучер, услышавши голос, который произносится обыкновенно в решительные минуты и даже сопровождается кое-чем гораздо действительнейшим, упрятал на всякий случай голову свою в плечи, замахнулся кнутом и помчался как стрела. Минут в шесть с небольшим значительное лицо уже был пред подъездом своего дома. Бледный, перепуганный и без шинели, вместо того чтобы к Каролине Ивановне, он приехал к себе, доплёлся кое-как до своей комнаты и провёл ночь весьма в большом беспорядке, так что на другой день поутру за чаем дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсем бледен, папа». Но папа молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось, и где он был, и куда хотел ехать. Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчинённым: «Как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чём дело. Но ещё более замечательно то, что с этих пор совершенно прекратилось появление чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам; по крайней мере, уже не было нигде слышно таких случаев, чтобы сдёргивали с кого шинели. Впрочем, многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города всё ещё показывался чиновник-мертвец. И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но, будучи по природе своей несколько бессилен, так что один раз обыкновенный взрослый поросёнок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг извозчиков, с которых он вытребовал за такую издевку по грошу на табак, – итак,

будучи бессилён, он не посмел остановить его, а так шёл за ним в темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебе чего хочется?» – и показало такой кулак, какого и у живых не найдёшь. Будочник сказал: «ничего», да и поворотил тот же час назад. Привидение, однако же, было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы и, направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте.

1842

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Главной особенностью русской литературы второй половины XIX в. является ее возросшая связь с общественным движением страны. 60-е гг. XIX в. вошли в историю России как период обострения общественной борьбы. После реформы 1861 г. в стране прошла волна крестьянских восстаний. Проблемы переустройства жизни волновали всех – от революционеров-демократов до либералов.

В 60-е годы XIX века менялся и характер литературной жизни. Отчётливей определились группировки славянофилов, западников и революционных демократов.

Славянофильство – направление в русской общественной и литературной мысли 40-60-х годов XIX в. Оно отстаивало самобытность исторического и культурного пути России. Славянофилы называли своё направление славяно-христианским, московским, истинно русским. Они идеализировали религиозно-нравственные и социальные начала Киевской и Московской Руси, создавая модель утопического общественного строя. Для славянофилов подлинная история России оборвалась реформами Петра I.

Западники же считали, что настоящая история России только началась с петровских преобразований. Они утверждали «западный», буржуазный путь развития России, были активными противниками крепостного права. И эти идеи защищало не только революционно-демократическое крыло (Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский), но и либеральные западники (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.С. Тургенев и др.).

И славянофилы, и западники выступали против крепостничества, но представления о дальнейшем пути России у них были различны. Обострение споров привело к разрыву всех личных отношений между прежде дружественными людьми и к их полемике. Иогинные споры западников и славянофилов изображены в «Былом и думах», «Сороке-Воровке» А.И. Герцена, отразились в «Записках охотника» И.С. Тургенева, «Тарантасе» В.А. Соллогуба.

Также существовало направление, которое стремилось сгладить противоречия между западниками и славянофилами – «почвенничество». Ф.М. Достоевский и его единомышленники утверждали «всечеловечность» русского национального духа. Они считали, что необходимо преодолеть разобщённость интеллигенции и народа. «Почвенники» призывали к сохранению самобытности (национальной почвы) и не отвергали положительной роли реформ Петра I.

В 60-е гг. – в период подъема общественной мысли – все большую роль приобретала периодическая печать. Если в начале XIX в. число газет, журналов исчислялось десятками, то во второй половине столетия – сотнями. Почти все произведения русской классической литературы сначала печатались и обсуждались на страницах журналов и только потом появлялись перед читателем в отдельном

изданных книгах. Сложившийся в XIX веке особый тип русского «толстого» литературного журнала стал явлением национальной культуры.

Обращаясь к искусству 60-х гг. XIX в., нужно упомянуть также живопись и музыку.

В русской живописи заявили о себе «передвижники». Имена И.Н. Крамского, И.Е. Репина, В.Г. Перова, А.К. Саврасова, В.И. Сурикова, И.И. Шишкина и др. получили широкую известность. В творчестве «передвижников» ярко проявилась социальная направленность. Также в 60-е гг. достигла расцвета и русская национальная музыка. В историю мировой музыкальной культуры вошли композиторы М.А. Балакирев, Ц.А. Кюи, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, А.П. Бородин. Созданные ими произведения до сих пор живут на оперных сценах.

70-е гг. XIX в. стали новым этапом в развитии русской литературы. Реформа 1861 г. (отмена крепостного права) была по сути формальной, что вызвало недовольство её результатами. В результате появляются новые революционные силы, стремящиеся изменить жизнь в стране, народники. Они выдвигали теорию «крестьянского социализма», решив совершить переход к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм. Среди передовой молодежи стало популярным «хождение в народ», которое не было успешным. В революционной организации «Земля и воля» происходит раскол, и та часть, которая выделилась из организации и получила название «Народная воля», поставила перед собой новую задачу - борьбу за свержение самодержавия путём террора.

В литературе появляется группа писателей народников - это Г.И. Успенский, С.М. Степняк-Кравчинский, Н.И. Наумов и др. В то же время продолжают творческие поиски писателей и поэтов, которые уже утвердили себя в литературе. В поэзии ведущую роль играет Н.А. Некрасов: появляется его поэма «Кому на Руси жить хорошо». М.Е. Салтыков-Щедрин публикует роман «Господа Головлевы», Л.Н. Толстой - роман «Анна Каренина», Ф.М. Достоевский - романы «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Особое место в русской литературе занимает Н.С. Лесков. В его произведениях «Соборяне», «На ножах» и «Очарованный странник» ярко проявилась отличительная черта творчества писателя - поиски одаренных натур, положительных типов русских людей.

1 марта 1881 года был убит царь Александр II. Началось время, которое часто называли «эпохой безвременья» и упадка русской жизни. Настроения той поры отчетливо выражали в своем творчестве поэт - С.Я. Надсон и писатель В.М. Гаршин. В эти годы приходит известность к В.Г. Короленко («Сон Макара», «Река играет», «Слепой музыкант», «В дурном обществе», «Лес шумит» и др.), вступает в литературу А.П. Чехов.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ (1818-1883)

Иван Сергеевич Тургенев — русский писатель-реалист, поэт, публицист, драматург, переводчик. Классик русской литературы, внёсший значительный вклад в её развитие во второй половине XIX века. Иван Тургенев первым в русской литературе начал изучать личность «нового человека» — шестидесятника, его нравственные качества и психологические особенности. Благодаря ему в русском языке стал широко использоваться термин «нигилист». Тургенев родился в старинной дворянской семье в городе Орле. Учился будущий писатель вначале в пансионе Вейденгаммера, затем стал пансионером у директора Лазаревского

института И. Краузе. В 1833 г. И. Тургенев поступил на словесный факультет Московского университета. Год спустя будущий писатель перешёл в Петербургский университет на философский факультет. В 1834 г. И. Тургенев написал драматическую поэму «Стéно К 1837 году им было написано уже около 100 стихотворений и несколько поэм (неоконченная «Повесть старика», «Штиль на море», «Фантасмагория в лунную ночь», «Сон»). В 1838 г. в журнале «Современник» были напечатаны без подписи Тургенева два его стихотворения: «Вечер» и «К Венере Медицейской». Первые изданные произведения не принесли автору известности. В этом же, 1838 г., Тургенев отправился в Германию, чтобы продолжить обучение в Берлинском университете. В годы, проведенные за границей, укрепилась такая черта Тургенева, как душевный идеализм – устремленность к миру идеальному, к миру красоты природы, искусства и любви. Во взглядах на отношения России и Европы Тургенев стал убежденным западником: он уверен в превосходстве европейской цивилизации над культурой и порядками России и считает, что Россия должна учиться у Европы. В 1841 г. И.С. Тургенев вернулся в Россию, в 1843 г. он был зачислен на службу в Министерство внутренних дел, но в 1845 г. писатель он вышел в отставку и больше на государственной службе не состоял. В 1843 г. Тургенев создал стихотворение «Утро туманное», положенное в разные годы на музыку. В этом же году под инициалами «Т.Л.» было напечатана поэма Тургенева «Параша». Сюжет поэмы – трогательная любовь безумки – помещицкой дочери к соседу по имению. Поэма – своеобразный иронический отголосок пушкинского «Евгения Онегина». Вслед за «Парашей» Тургенев пишет поэмы «Разговор» (1844), «Андрей» (1845), «Помещик» (1845), повести и рассказы («Андрей Колосов», 1844, «Три портрета», 1846, «Бретер» (1846, «Петушков», 1847), драму «Неосторожность» (1843) и комедию «Безденежье» (1846). Тургенев следует принципам литераторов «натуральной школы». Писатели этого направления изображали повседневную жизнь разных сословий, описывали своих героев как представителей определенного социального типа, уделяли внимание влиянию среды, обстоятельств на характер и судьбу человека. В 1847 г. был издан очерк Тургенева «Хорь и Калиныч», в котором писатель открыл читателю русского крестьянина как воплощение национальной души. «Хорь и Калиныч» стал первым рассказом знаменитых «Записок охотника» (1852), в которых автор описал быт и нравы крестьянской и помещицкой России. Конец 1840-х - начало 1850-х гг. – время активного драматургического творчества Тургенева: написаны пьесы «Где тонко, там и рвётся» (1848), «Нахлебник» (обе 1848); «Завтрак у предводителя», «Холостяк» (обе 1849); «Месяц в деревне» (1850); «Провинциалка» (1851). После смерти Гоголя (1852) Тургенев написал некролог, который петербургская цензура не пропустила. Власти усмотрели в тексте бунт, и автора выслали в его родную деревню имение Спасское-Лутовиново, и только через два года писатель вновь получил право жить в столицах. Во время ареста и ссылки Тургенев написал повести «Муму» и «Постоялый двор» (обе 1852). В конце 1840-х – середине 1850-х гг. им были созданы повести «Дневник лишнего человека» (1850), «Два приятеля» (1853), «Затишье» (1854), «Переписка» (1854), «Яков Пасынков» (1856). Персонажи, созданные в повестях Тургенева, возвышенные и наивные идеалисты, терпящие неудачу в стремлении принести пользу обществу или обрести счастье в любви, стали называться «лишними людьми». Положение Тургенева в литературе упрочили романы «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» (1862) и повести «Фауст» (1856), «Поездка в Полесье» (1853-1857), «Ася» (1860) и «Первая любовь» (1860). В середине 1870-х гг. Тургенев создал свой

последний роман, «Новь». В последние годы жизни Тургенев писал лирические миниатюры – стихотворения в прозе (первая часть цикла была издана совсем незадолго до его кончины). «Стихотворения в прозе» стали своеобразным прощанием писателя с жизнью, родиной и искусством. 22 августа 1883 г. в Буживале под Парижем. И.С. Тургенев скончался от рака позвоночника.

СОБАКА

Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воеет страшная, неистовая буря.

Собака сидит передо мною – и смотрит мне прямо в глаза.

И я тоже гляжу ей в глаза.

Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает – но я её понимаю.

Я понимаю, что в это мгновение и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы торжественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек.

Смерть налетит, махнёт на него своим холодным широким крылом...

И конец!

Кто потом разберет, какой именно в каждом из нас горел огонёк?

Нет! это не животное и не человек меняются взглядами...

Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга.

И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одна и та же жизнь жмётся пугливо к другой.

Февраль, 1878

НИЩИЙ

Я проходил по улице... меня остановил нищий, дряхлый старик.

Воспалённые, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны... О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!

Он протягивал мне красную, смухшую, грязную руку... Он стонал, он мычал о помощи.

Я стал шарить у себя во всех карманах... Ни кошелька, ни часов, ни даже платка... Я ничего не взял с собою.

А нищий ждал... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку...

– Не взыщи, брат; нет у меня ничего, брат.

Нищий устал на меня свои воспалённые глаза; его синие губы усмехнулись – и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы.

– Что же, брат, – прошамкал он, – и на том спасибо. Это тоже подаяние, брат.

Я понял, что и я получил подаяние от моего брата.

Февраль, 1878

«УСЛЫШИШЬ СУД ГЛУПЦА...»

Пушкин

Ты всегда говорил правду, великий наш певец; ты сказал её и на этот раз.

«Суд глупца и смех толпы»... Кто не изведал и того и другого?

Всё это можно – и должно переносить; а кто в силах – пусть презирает!

Но есть удары, которые больнее бьют по самому сердцу. Человек сделал всё что мог; работал усиленно, любовно, честно... И честные души гадливо отворачиваются от него; честные лица загораются негодованием при его имени.

– Удались! Ступай вон! – кричат ему честные молодые голоса. – Ни ты нам не нужен, ни твой труд; ты оскверняешь наше жилище – ты нас не знаешь и не понимаешь... Ты наш враг!

Что тогда делать этому человеку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться – и даже не ждать более справедливой оценки.

Некогда землепашцы проклинали путешественника, принесшего им картофель, замену хлеба, ежедневную пищу бедняка. Они выбивали из протянутых к ним рук драгоценный дар, бросали его в грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются им – и даже не ведают имени своего благодетеля.

Пусть! На что им его имя? Он, и безымянный, спасает их от голода.

Будем стараться только о том, чтобы приносимое нами было точно полезной пищей.

Горька неправая укоризна в устах людей, которых любишь... Но перенести можно и это...

«Бей меня! но выслушай!» – говорил афинский вождь спартанскому.

«Бей меня – но будь здоров и сыт!» – должны говорить мы.

Февраль, 1878

ДОВОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

По улице столицы мчится вприпрыжку молодой ещё человек. Его движения веселы, бойки; глаза сияют, ухмыляются губы, приятно алеет умиленное лицо... Он весь – довольство и радость.

Что с ним случилось? Досталось ли ему наследство? Повысили ли его чином? Спешит ли он на любовное свиданье? Или просто он хорошо позавтракал – и чувство здоровья, чувство сытой силы выиграло боёв в его членах? Уж не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крест, о польский король Станислав!

Нет. Он сочинил клевету на знакомого, распространил её тщательно, услышал её, эту самую клевету, из уст другого знакомого – и сам ей поверил.

О, как доволен, как даже добр в эту минуту этот милый, многообещающий молодой человек!

Февраль, 1878

МНЕ ЖАЛЬ...

Мне жаль самого себя, других, всех людей, зверей, птиц... всего живущего.

Мне жаль детей и стариков, несчастных и счастливых... счастливых более, чем несчастных.

Мне жаль победоносных, торжествующих вождей, великих художников, мыслителей, поэтов.

Мне жаль убийцы и его жертвы, безобразия и красоты, притеснённых и притеснителей.

Как мне освободиться от этой жалости? Она мне жить не дает... Она, да вот ещё скука.

О скука, скука, вся растворенная жалостью! Ниже спуститься человеку нельзя.

Уж лучше бы я завидовал, право!

Да я и завидую – камням.

Февраль, 1878

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой – и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса – и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрель, 1878

ВРАГ И ДРУГ

Осуждённый на вечное заточенье узник вырвался из тюрьмы и стремглав пустился бежать... За ним по пятам мчалась погоня.

Он бежал изо всех сил... Преследователи начинали отставать.

Но вот перед ним река с крутыми берегами, узкая – но глубокая река... А он не умеет плавать!

С одного берега на другой перекинута тонкая гнилая доска. Беглец уже занёс на неё ногу... Но случилось так, что тут же возле реки стояли: лучший его друг и самый жестокий его враг.

Враг ничего не сказал и только окрестил руки; зато друг закричал во всё горло:

– Помилуй! Что ты делаешь? Опомнись, безумец! Разве ты не видишь, что доска совсем сгнила? Она сломится под твоею тяжестью – и ты неизбежно погибнешь!

– Но ведь другой переправы нет... а погоню слышишь? – отчаянно простонал несчастный и ступил на доску.

– Не допущу! Нет, не допущу, чтобы ты погибнул! – возопил ревностный друг и выхватил из-под ног беглеца доску. Тот мгновенно бухнул в бурные волны – и утонул.

Враг засмеялся самодовольно – и пошел прочь; а друг присел на бережку – и начал горько плакать о своем бедном... бедном друге!

Обвинять самого себя в его гибели он, однако, не подумал... ни на миг.

– Не послушался меня! Не послушался! – шептал он уныло.

– А впрочем! – промолвил он наконец. – Ведь он всю жизнь свою должен был томиться в ужасной тюрьме! По крайней мере он теперь не страдает! Теперь ему легче! Знать, уж такая ему выпала доля!

– А все-таки жалко, по человечеству!

И добрая душа продолжала неутешно рыдать о своем злополучном друге.

Декабрь, 1878

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!
Июнь 1882

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ (1821-1877)

Николай Алексеевич Некрасов — русский поэт, прозаик, критик, издатель, классик русской литературы. Некрасов ввёл в русскую поэзию народный язык и фольклор и, используя в своих произведениях, расширил возможности русской поэзии. Детские годы Некрасова прошли на Волге, в селе Грешнёво. Именно из Грешнёва Некрасов-поэт вынес чуткость к чужому страданию, именно там зародилась любовь к русскому крестьянину, определившая позже народность его творчества. В Ярославской гимназии, куда будущий поэт поступил в 1832 г., он целиком отдался приобретённой от матери любви к литературе и театру. К концу обучения в гимназии у Некрасова была тетрадь собственных стихов, написанная в подражание поэтам-романтикам — В.А. Жуковскому, В.Г. Бенедиктову и др. В 1838 г. Некрасов, вопреки воле отца, желавшего видеть сына в военном учебном заведении, стал вольнослушателем филологического факультета в Петербургском университете. Узнав о поступке сына, отец Некрасова лишил его материальной поддержки. В эти годы писатель терпел страшную нужду, голодал, не имел дома, к тому же первый сборник стихов «Мечты и звуки» (1840) провалился в печати. Но это лишь закалило Некрасова и открыло перед ним жизнь народа. Важнейшей темой его творчества стала судьба простого человека, русской женщины-крестьянки, бесправного мужика. После нескольких лет лишения, жизнь Некрасова начала налаживаться. Он стал давать уроки и печатать небольшие статьи, сочинял сказки в стихах, пробовал свои силы в театральной критике, но обрёл популярность как автор стихотворных фельетонов («Поворун», «Чиновник») и водевилей («Актёр», «Петербургский ростовщик»). Постепенно Некрасов приходит в своей поэзии к реализму («В дороге», 1845; «Памяти Белинского», 1853 и др.). Благодаря своим деловым качествам, Некрасов становится умелым организатором литературного дела. Он собирает и публикует в середине 40-ых гг. два альманаха — «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846). В них печатаются очерки и рассказы о жизни столичных бедняков. Сам Некрасов в эти годы пробует свои силы в прозе. Особо выделяется его незаконченный роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843-1848) — произведение во многом автобиографическое. С 1847 г. в руки Некрасова переходит журнал «Современник», основанный ещё А.С. Пушкиным. На страницах этого журнала Н.А. Некрасов открыл читателям имена И. Тургенева, И. Гончарова, А. Островского, М. Салтыкова-Щедрина, Ф. Достоевского, Л. Толстого и других классиков русской литературы. С первых лет издания «Современника» Некрасов являлся не только его вдохновителем и редактором, но также и одним из основных авторов. Здесь печатались его стихи, проза, критика. Около середины 1850-х гг. Некрасов серьёзно заболел и уехал на лечение в Италию. Выздоровление Некрасова совпало с началом нового периода жизни России и творчества самого писателя: его выдвигают в первые ряды русской литературы, он создаёт такие знаковые стихотворения как «Поэт и гражданин» (1856), «Размышления у парадного подъезда» (1858) и «Железная дорога» (1864), поэмы «Тишина» (1857), «Коробейники» (1861) и сборник «Стихотворения Н. Некрасова» (1856). В 1863-1864 гг. Некрасов работает над поэмой «Мороз, Красный

нос», в которой он использует русскую обрядовую и бытовую лирику, народные сказки, верования, приметы, гадания. Вслед за «Морозом» появляется «Орина, мать солдатская» (1863) – стихотворение, прославляющее материнскую и сыновнюю любовь. Тогда же Некрасов начал создавать «Стихотворения, посвящённые русским детям» (1867-1873). Особенно трудным для Некрасова стал конец 60-х гг. Тяжёлые переживания поэта отразились в цикле «покаянных» стихов: «Ликует враг...» (1866), «Умру я скоро...» (1867) и др. В творчестве Некрасова одно из важнейших мест в нём занимала сатира, Эта тяга к острокритическому изображению действительности привела в 1860-70-х гг. к появлению целой серии сатирических произведений. Ему удавалось искусство социальных разоблачений, умелое и тонкое описание самых злободневных вопросов. В то же время он не забывал про лирическое начало, умел легко переходить от задушевных интонаций к приёмам стихотворного фельетона, нередко близкого даже к водевильной манере (поэма «Современники» (1865), сатиры «Балет» (1866) и «Недавнее время» (1871)). В поэмах «Княгиня Трубецкая» (1871) и «Княгиня Волконская» (1872) Некрасов обращается к декабристской теме: подвигу жён декабристов, которые отправились вслед за своими мужьями на каторгу в далёкую Сибирь. Однако главной работой Некрасова стала эпическая крестьянская поэма-симфония «Кому на Руси жить хорошо» (1865-1877), в основу которой легла мысль поэта, которая преследовала его после крестьянской реформы 1861 г.: «Народ освобождён, но счастлив ли народ?». Поэма стала как бы итогом его долгих размышлений о положении и судьбах крестьянства. В начале 1875 г. Некрасов тяжело заболел. В это чуждое для себя время он пишет «Последние песни», которые по искренности чувства относят к его лучшим творениям. Умер Н.А. Некрасов 27 декабря 1877 г.

ДУМА

О чём тоска и сокрушенье,
О чем вседневная печаль,
Роптанья, слёзы, сожаленье –
Что тратим мы, чего нам жаль?

Ужель несчастье жизни краткой
Для нас мучительней всего,
А счастье так глупо и сладко,
Что стоит плакать без него?..

Пловцов минутных в бурном море
Земное счастье неполно,
И побеждать земное горе
Довольно силы нам дано.

Страданье наше, наша мука,
Когда их сносим мы с мольбой,
За счастье прочное порука
В дому другом, в стране святой;

Не вечен мир, не вечны люди,
Покинем мы минутный дом,

На волю вылетит из груди
Душа эфирным мотыльком, -

И станут перлами все слезы
Сиять в лучах её венца,
И пусть страданья, мягче розы,
Ей путь устелют в дом отца.

Не часто ль ходим мы с отвагой
По топким тундрам и горам,
Когда хоть мир единый блага
Найти за ними мнится нам?

Зачем же ропот на страданья,
Зачем по мрачному пути
Мятежной жизни без роптанья,
С отвагой той же не идти;

Когда, порою так же трудный,
От бед житейских и забот
Тот путь не к радости минутной,
К блаженству вечному ведет?

1839

МОЙ ЖРЕБИЙ

Давно от участия, от ласковой речи
Меня отучило коварство людей.
Слова их - отравы, лобзанья - картечи,
Объятья - тяжёлые груди цепей.

Кто вырвал надежду из девственной
груди?
Кто день моей жизни во мрак
погрузил?
Все братья родные! всё люди да люди!
Но видит всевышний, что я им не
мстил.

Я всё перенес! Мне ничто не обидно!
Давайте мне больше тяжёлых работ.
Я труженик мира! я раб беззащитный!
—
Пусть ломятся кости! пусть льётся мой
пот!

Я хитростных козней вражды не
разрушу,
Тяжелого бремя не сброшу с плечей:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из её груди,
Лишь бич свистел, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»
1848

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнётом роковым провел я детство
И молодость - в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая - навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений

Пусть хлад отчужденья терзает мне
душу,
Пусть я забавляю моих палачей.

Пускай всё отнимут - наперсники
злости!
Мне в голову камень - не сетую я!
Мне в пищу обломок обглоданной
кости,
Покров погребальный - одежда моя!

Не с острым кинжалом в карательной
длани,
Не с грозным укором на бледном челе,
—
С надеждой веселой под тучей
страданий
Я твердой стопью пройду по земле.

Роптанья не вырвет мирская забота:
Томиться я буду с улыбкой в устах,
Чтоб каждая капля кровавого пота
Блаженства зерном мне возшла в
небесах!..
1847

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слёз!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьётесь о сердца людские,
Как волны об утёс.
1858

Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,

У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шёл я с дружною семьёю,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел, Что я,
друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути –
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!

Я призван был воспеть твои страданья,

ПОЭТУ

Где вы - певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомним человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, муджник
вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел
свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!

ЭЛЕГИЯ

А. Н. Еракову

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть её должна.
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвёл бы божий мир!.. Увы! пока
народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,

Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознания
На путь, которым бог тебя ведет,
Но, жизнь любя, к её минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шёл колеблющимся шагом,
Я для неё не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Её умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..
1867

Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мёртвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убиство,
святотатство!

Сорви венцы с предательских голов,
Увлечших мир с пути любви и
братства,
Стяжанного усилиями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец
искусства,
Трон истины, любви и красоты.
1874

Оплакивать их рок, служить им будет
муза,
И в мире нет прочней, прекраснее
союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поёт,
К народу возбуждать вниманье
сильных мира –
Чему достойнее служить могла бы
лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил - и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слёзы сладкие я пролил в умиленьи...
«Довольно ликовать в наивном увлеченьи, -
Шепнула Муза мне. - Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы -
Ответа я ишу на тайные вопросы.
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель званья га лизу народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!

И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настаёт. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье:
Народному врагу проклятие сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли,
нивь,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внимлет он - и не даёт ответа...
1874

Где же вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...
1876

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ (1803-1873)

Фёдор Иванович Тютчев — один из крупнейших русских поэтов-лириков, поэт-мыслитель. Родители будущего поэта, люди образованные и состоятельные, дали сыну основательное и разностороннее образование. Губернёром к нему был приглашён известный в свое время поэт и переводчик С.Е.Раич, знаток классической древности и итальянской литературы. На его уроках Тютчев черпал глубокие

знания по истории древней и новой литературы. Ещё подростком Федор начинает писать и сам. Его ранние стихи свидетельствуют о таланте юноши. В 14 лет Тютчев стал членом Союза любителей российской словесности. В 1819 г. было напечатано первое произведение Ф. Тютчева — вольный перевод «Послания Горация к Меценату». В течение 1819-1821 гг. Тютчев был студентом словесного отделения Московского университета. Московский университет в начале 20-х гг. XIX в. был центром политической и общественной мысли. И хотя Тютчев не интересовался политикой, мать поэта настояла на досрочном завершении обучения и поступлении сына на дипломатическую службу. Тютчев был зачислен в Коллегию иностранных дел. Вскоре он уехал в Европу, где прожил почти 22 года, представляя российскую дипломатическую миссию. Стихи Тютчева периодически появлялись в различных московских журналах и часто подписаны были только инициалами поэта (Ф.Т.). К середине 30-х годов были напечатаны стихотворения «Весенняя гроза», «Весенние воды», «Летний вечер» и др. Однако имя Тютчева по-прежнему оставалось неизвестным читателю, поскольку отдельные стихи Тютчева (часть без авторской подписи) появлялись в различных журналах и альманахах разрозненно. Только в 1836 в журнале «Современник» были опубликованы 24 стихотворения Тютчева под заголовком «Стихотворения, присланные из Германии» и подписанные «Ф.Т.». В 1839 г. дипломатическая деятельность Тютчева внезапно прервалась, но до 1844 года он продолжал жить за границей. Вернувшись в Россию в 1844 г., Тютчев вновь поступил в министерство иностранных дел (1845), где с 1848 г. занимал должность старшего цензора. В 40-е гг. Тютчев почти не занимался поэзией, его больше интересовала политика. Свои политические убеждения он излагал в статьях, где отстаивал православие, считая религиозность одной из главных черт русского характера («Русская география», «Предсказание»). Также Тютчев создавал эпиграммы на Николая I, министра Шувалова, цензурный аппарат. В 1858 г. Тютчев был назначен Председателем комитета иностранной цензуры. На этом посту Тютчев пробыл 15 лет, вплоть до своей смерти. 1 января 1873 г. на улице с поэтом случился удар, парализовавший левую половину тела. 15 июля 1873 г. в Царском Селе Тютчев скончался.

В творчестве Ф. Тютчева — две главные темы: природа и любовь. Природа у поэта всегда изменчива («Какое ведь хорошее ты, ночное море», «Весенняя гроза», «Какой веселый шум летней бури» и др.) и близка человеку («Волна и дума» и др.). Высокого мастерства достигает Тютчев и в интимной лирике. Но если пейзажная лирика пронизана философскими мотивами, то интимная — психологизмом в раскрытии внутреннего мира влюбленного человека. Жемчужиной поэзии Тютчева является «денисьевский» цикл, посвященный Елене Денисьевой — последней любви поэта. «Денисьевский цикл» — это настоящий роман в стихах. Читатель узнаёт о радости первой встречи, счастье взаимной любви, приближающейся трагедии (возлюбленная поэта, осуждаемая светом, сомневается в верности и силе чувства поэта), а затем о смерти любимой и отчаянные потери, которое не оставляет поэта до конца жизни («Чему молилась ты с любовью», «И я один ...» и др.).

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит...
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит...

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам...

Ты скажешь: ветреная Геба,³²
Кормя Зевсова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила!
1828, 1850-ые

SILENTIUM!³³

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят они
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь —
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими — и молчи...

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум —
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи —
Внимай их пенью — и молчи!..
1830

***³⁴

В душном воздуха молчанье,

³² Геба - богиня вечной юности в греческой мифологии, служившая виночерпием на трапезе олимпийцев. Часто изображалась ласкающей Зевсова орла и подносящей ему в чаше нектар. В стихах Тютчева допущена своеобразная вариация мифа: поэт наделяет Гебу не кубком с божественным напитком, а кубком, наполненным громами. Тем самым Гебе как бы передаются функции Зевсова орла, который нередко изображался сжимающим молнии в когтях

³³ Молчание (лат.).

³⁴ Стихотворение посвящено второй жене поэта Эрнестине Пффефель

Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?..

Что, бледнее, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..
1830-ые

Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелёными волнами
Шумит померкшая река —
Взор, постепенно из долины
Подъёмлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный, светлый Храм.

Там в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна —
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных Тишина.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят —

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд».

Весна идёт, весна идёт!
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!
Не позднее 1830-го

Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётесь вы ранней и поздней порой...
Льётесь безвестные, льётесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льётесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.
1849

***³⁵

В разлуке есть высокое значение:
Как ни люби — хоть день один, хоть
век...
Любовь есть сон, а сон — одно
мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье —
А должен наконец проснуться
человек...
1851

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ³⁶

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет

³⁵ Стихотворение обращено ко второй жене поэта Эрнестине Пфеффель

³⁶ Стихотворение посвящено возлюбленной поэта Е.А. Денисьевой

Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.
1851-1854

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звёзды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...
1865

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.
1866

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд
людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней — чужда
лицеприятю,
Не тронута ничем, не смущена,
Смирненную иль ропщущую братью —
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разногласья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей — увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой,

Когда она, при роковом сознанье

Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не даёт принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свеваает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...

Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

1869

Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов,
—

О, этот мир, так молодо-прекрасный,
—

Он строит тысячи миров.

1869-1870

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ (1820-1892)

Афанасий Афанасьевич Фет - поэт, прозаик, публицист, переводчик. Жизнь А.А. Фета начался с испытания: его мать Каролина Шарлотта Фет в 1820 г. уехала из Германии с русским дворянином отставным ротмистром А.Н. Шениным. Вскоре родился Афанасий, которого Шенин усыновил. Через 14 лет обнаружилась незаконность метрической записи, и русский дворянин Афанасий Шенин превратился в Афанасия Фета, которому удалось получить русское подданство только в 1846 г. Всё случившееся А. Фет пережил как трагедию. Он поставил перед собой цель вернуть себе дворянское звание и фамилию Шенин и спустя годы добился своего. С 1838 по 1844 год А. Фет учился на словесном отделении философского факультета Московского университета, где изучал историю мировой культуры и писал стихи. В 1840 г. вышел первый сборник стихотворений А. Фета «Лирический пантеон», а с 1842 г. стихи Фета регулярно появляются на страницах журналов. В 1845 г. подающий надежды поэт становится унтер-офицером провинциального полка, так как первый офицерский чин давал право на получение потомственного дворянства. В 1850 г. выходит второй сборник поэта - «Стихотворения». В 1853 г. Фет переводится в гвардейский полк под Петербургом и налаживает связи со столичными литераторами. В 1856 г. в Петербурге публикуется третий сборник «Стихотворения А.А. Фета». В 1858 г. Фет вышел в отставку, но дворянство так и не получил. В 1860 году поэт приобрёл земельный участок, стал помещиком и долгое время почти не писал стихов. Лишь в 1863 г. вышел сборник «Стихотворения А. Фета» в 2 частях, который был итогом двадцатипятилетней литературной деятельности поэта. С 1862 по 1871 год в журналах были опубликованы два самых крупных прозаических цикла Фета: «Из

деревни» и «Записки о вольнонаёмном труде». Определяющее начало в циклах - публицистика, но вместе с тем это настоящая «деревенская» проза: циклы состоят из очерков, рассказов и даже новелл. Фет считал, что проза -- язык жизни обыденной, а поэзия выражает жизнь души человеческой. Отсюда раздвоенность творчества Фета: в поэзии он романтик, а в прозе - реалист. В 1873 г. А. Фет получает дворянство и фамилию Шенин. Благополучие достигнуто, но Фет недоволен собой и единственное спасение видит в поэзии. Он публикует четыре выпуска стихотворного сборника «Вечерние огни» (1883, 1885, 1888, 1889), который отмечен Пушкинской премией. В лирике поэта занимают важное место две тематические линии - природа и любовь. Фет выразителен при обрисовке картин природы в различные времена года, в каждом из которых он находит неповторимую прелесть. Поэтизация красот природы - одна из заслуг Фета-лирика перед русской литературой. Другая заслуга Фета - изображение глубокого любовного чувства. Его любовной лирике свойственны трагедийность и глубокий психологизм.

Я жду... Соловьиное эхо
Несётся с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Тёмно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад.
Прости, золотая, прости!
1842

Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листьям затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду

На меня весельем вост,
Что не знаю сам, что буду
Петь - но только песня зреет.
1843

Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.

Дивный был вечер вчера!
Долго он будет в помине;
Всем,- только нам не пора;
Пламя бледнеет в камине.

Что же, -- к чему этот взгляд?
Где ж мой язвительный холод?
Грусти твоей ли я рад?
Знать, я надменен и молод?

Что ж ты вздохнула? Цвести -
Цель вековая созданья;
Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
1847

Шёпот, робкое дыханье.
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,

Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..
1850

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Ещё светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым мёдом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.
1857

БУРЯ

Свежеет ветер, меркнет ночь.
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на границе -
То прыгнет, то отхлынет прочь.

Всё раздражительней бурун;

Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»
1865

Нет, я не изменил. До старости
глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей
любви,
И старый яд цепей, отрадный и
жестокий,
Ещё горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас
мегила,
Хоть каждый день бреду томительно к
другой,-
Не в силах верить я, чтоб ты меня
забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на
мгновенье,
Мне чудится, вот-вот тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.
1887

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ (1828 - 1910)

Лев Николаевич Толстой — русский писатель, просветитель, публицист, религиозный мыслитель. Л. Толстой был четвертым ребенком в большой дворянской семье. Его родители умерли очень рано, и воспитанием детей занималась дальняя родственница Т.А. Ергольская, имевшая огромное влияние на Толстого. Детские воспоминания и первые впечатления от жизни дворянской усадьбы послужили богатым материалом для произведений Л. Толстого и отразились в автобиографической повести «Детство». В 1844 г. Л. Толстой поступил в Казанский университет на отделение восточных языков философского факультета, затем перевелся на юридический факультет, где проучился неполных два года. Весной 1847 г., подав прошение об увольнении из университета, Толстой уехал в Ясную Поляну, намереваясь самостоятельно изучать юридические науки, медицину, языки, сельское хозяйство, историю, написать диссертацию и заниматься музыкой и живописью. Осенью 1847 г. Толстой уехал сначала в Москву, затем в Петербург,

чтобы сдавать экзамены в университете. Образ его жизни в это время часто менялся: то он готовился и сдавал экзамены, то занимался музыкой, то собирался стать чиновником, то мечтал поступить в конногвардейский полк. Религиозный аскетизм чередовались с кутежами. Но именно в эти годы Толстой занимался самоанализом, что отражено в дневнике, который писатель вёл всю жизнь. Тогда же у него возникло желание заняться литературой и появились первые незавершенные художественные наброски. В 1851 г. вместе с братом Николаем Л. Толстой уехал на Кавказ. Почти три года Толстой прожил в казачьей станице на берегу Терека, выезжая в Кизляр, Тифлис, Владикавказ и участвуя в военных действиях. Кавказская природа и простота казачьей жизни дали материал для автобиографической повести «Казачи» (1852-63). Кавказские впечатления отразились и в рассказах «Набег» (1853), «Рубка леса» (1855), а также в поздней повести «Хаджи-Мурат» (1896-1904, опубликована в 1912). На Кавказе Толстой написал повесть «Детство» и отправил ее в журнал «Современник» (напечатана в 1852 г. под инициалами Л.Н.; вместе с позднейшими повестями «Отрочество», 1852-54, и «Юность», 1855-57, составила автобиографическую трилогию). Повесть «Детство» принесла Толстому известность. Осенью 1856 г. Толстой оставил армейскую службу и уехал сначала в своё имение Ясная Поляна, а в начале 1857 г. — за границу. Он побывал во Франции, Италии, Швейцарии, Германии (швейцарские впечатления отражены в рассказе «Люцерн»), осенью вернулся в Москву, затем — в Ясную Поляну. В 1862 г. Л. Толстой женился на Софье Андреевне Берс и вместе с женой уехал в Ясную Поляну. Осенью 1863 г. писатель начинает работу над романом «Война и мир». Время создания романа - это время душевного подъема, семейного счастья и спокойного труда. Толстой работал в архивах, изучал рукописи, ездил на Бородинское поле, и лишь в начале 1865 г. напечатал в первую часть «Войны и мира». Роман вызвал множество откликов. Горячие споры подтолкнули Толстого к написанию продолжения романа. Эпопея «Война и мир» (1863-69) воссоздает жизнь различных слоев русского общества в Отечественную войну 1812 г., патриотический порыв народа, объединивший все сословия и приведший к победе над Наполеоном. В 1870-е гг. Толстой жил в Ясной Поляне, где учил крестьянских детей грамоте, развивал и пропагандировал свои педагогические взгляды и работал над романом «Анна Каренина». В этом романе писатель рассказывает о жизни современного ему общества и рисует трагедию женщины, которая во имя страсти разрушила свою семью. Толстой раскрывает ложные основы светского общества и разрушение семейных устоев. В конце 1870-х гг. писатель пережил духовный кризис, который позже привёл его к идее нравственного усовершенствования и созданию последнего романа «Воскресение» (1889-99). Пережитый духовный кризис изменил жизнь Толстого и привёл к разрыву с социальной средой и к семейному разладу (отказ писателя от владения частной собственностью вызвал недовольство членов его семьи). Поздней осенью 1910 г., тайно от семьи, 82-летний Толстой, сопровождаемый лишь личным врачом Д.П. Маковицким, покинул Ясную Поляну. В пути Толстой заболел и вынужден был сойти с поезда на железнодорожной станции Астапово. Здесь, в доме начальника станции он провёл последние семь дней своей жизни, и здесь же 7 ноября 1910 г. Л.Н. Толстой скончался.

ПОСЛЕ БАЛА

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у неё уже дочери замужем. Это была Б..., да, Варенька Б..., — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело. То, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш ещё дагерротипный портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала

такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил её, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами, и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Епсого»³⁷. И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела.

— Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали её за талию, не только свое, но и ее тело, — сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

— Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и ещё что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены для меня же, как говорил Alphonse Karr³⁸, — хороший был писатель, — на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймете... — Не слушайте его. Дальше что? — сказал один из нас.

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя её к её месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

³⁷ Еще (франц.).

³⁸ Альфонс Карр (франц.).

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

— Смотрите, папа просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, *ma chère*³⁹, отца пройти с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславич, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми *à la Nicolas I*⁴⁰ подвижными усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложён он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупей, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, — хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он всё-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжёло, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

³⁹ дорогая (франц.).

⁴⁰ как у Николая I (франц.).

— Ну, все равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в португую.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сче, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал её мать и потом её. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает моё качество, и слышу её милый голос, когда она говорит: «Гордость да!» — и радостно подаёт мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт. Я прошёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающиеся под глянцевиными дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики,

шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то, другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, нёсшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос, — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенгов! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то была барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

1903

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ (1860-1904)

Антон Павлович Чехов — русский писатель, драматург. Родился в городе Таганрог в семье купца. С детства помогал отцу в лавке, в 1879 г., окончив таганрогскую гимназию, переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. Окончив его в 1884 г. и получив звание уездного врача, Чехов некоторое время занимался врачебной практикой. С конца 70-х гг. Чехов начал литературную деятельность как автор коротких юмористических рассказов, публикуясь в журналах «Осколки», «Стрекоза», «Будильник» под псевдонимами (Антоша, Человек без селезенки, Брат моего брата, Чехонте и др.). Первая книга рассказов Чехова — «Сказки Мельпомены», — была издана в 1884 г., спустя два года в 1886 г. появились «Пёстрые рассказы» (1886). С 1885 по 1889 гг. Чехов становится сотрудником журналов «Северный вестник», «Русская мысль», «Жизнь». К этому времени относятся рассказы и повести «Степь», «Именины» (1888), «Припадок»,

«Скучная история» (1889), сборники «В сумерках» (1887, в 1888 отмечен половиной Пушкинской премии), «Невинные речи» (1887), «Рассказы» (1888), «Хмурые люди» (1890). Во второй половине 80-х годов Чехов пишет пьесы «Иванов» (1887-1889), «Свадьба» (1889), «Леший» (1889, позже переделана в пьесу «Дядя Ваня»), водевили «Медведь», «Предложение», «Юбилей» и др. В 1890 г. Чехов уезжает на остров Сахалин. Результатом этой поездки становится книга «Остров Сахалин» (1893-1894). В 1890 г. Чехов покупает имение Мелихово в Московской губернии, где строит школы, помогает бедным и лечит крестьян, работает врачом во время эпидемии холеры 1892-1893 гг., участвует во всеобщей переписи населения 1897 г. В 1898-1900 г. писатель создаёт свои самые известные рассказы: «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Ионыч» и «Дама с собачкой», а также повесть «Палата № 6». В конце 90-х гг. Чеховым были написаны пьесы «Чайка» (1896), «Дядя Ваня» (1897), «Три сестры» (1900-1901), «Вишнёвый сад» (1903-1904), которые поставили в театре МХТ, созданном в 1898 г. В 1898 г. после смерти отца и обострением болезни (туберкулёз) Чехов переехал в Ялту, где построил дом. Здесь писатель встречался с Л. Толстым, М. Горьким, И. Буниным, А. Куприным, И. Левитаном. В 1900 г. Чехова избрали почётным академиком Пушкинского отделения Академии наук, но в 1902 г. писатель отказался от этого звания в знак протеста против отмены императором Николаем II избрания Максима Горького почётным академиком. Умер Чехов 2(15) июля 1904 г. в городе Баденвейлер (Германия); похоронен в Москве.

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя наверху блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвёл от глаз бинокль, нагнулся и... ах!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков нисколько не сконфузился, утёрся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и сормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Брижжалова, служащего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! - подумал Червяков. - Не мой начальник, чужой, но всё-таки неловко. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо:

- Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...

- Ничего, ничего...

- Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!

- Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало помучивать беспокойство. В антракте он подошел к Брижжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

- Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

- Ах, полноте... Я уж забыл, а вы все о том же! - сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, - подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. - И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!..»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Брижжалов «чужой», успокоилась.

- А все-таки ты сходи, извинись, - сказала она. - Подумает, что ты себя в публике держать не умеешь!

- То-то вот и есть! Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир, подстригся и пошёл к Брижжалову объяснить... Войдя в приёмную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал приём прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

- Вчера в «Аркадии», ежели припомните, ваше-ство, - начал докладывать экзекутор, - я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

- Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? - обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! - подумал Червяков, бледнея. - Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...»

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков, шагнув за ним и забормотал:

- Ваше-ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния! Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

- Да вы просто смеетесь, милостисдарь! - сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? - подумал Червяков. - Вотсе тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном! Черт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану!» Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал, но никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

- Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, - забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, - не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с... а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

- Пошёл вон!! - гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

- Что-с? - спросил шёпотом Червяков, млея от ужаса.

- Пошёл вон!! - повторил генерал, затапав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплёлся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лёг на диван и... помер.

1883

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в повой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

- Так ты кусаться, окаянная? - слышит вдруг Очумелов. - Ребята, не пушай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубахе и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

- Никак беспорядок, ваше благородие!.. - говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожая всем телом, сидит на земле сам виновник скандала - белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

- По какому это случаю тут? - спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. - Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

- Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... - начинает Хрюкин, кашляя в кулак. - Насчёт дров с Митрий Митричем, - и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому что я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

- Гм!.. Хорошо... - говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. - Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, - обращается надзиратель к городскому, - узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

- Это, кажись, генерала Жигалова! - говорит кто-то из толпы.

- Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? - обращается Очумелов к Хрюкину. - Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

- Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она - не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

- Врёшь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандарах... ежели хотите знать...

- Не рассуждать!

- Нет, это не генеральская... - глубокомысленно замечает городской. - У генерала таких нет. У него всё больше лягавые...

- Ты это верно знаешь?

- Верно, ваше благородие...

- Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта - черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держат?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально - не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого такие оставляй... Нужно проучить! Пора...

- А может быть, и генеральская... - думает вслух городской. - На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

- Вестимо, генеральская! - говорит голос из толпы.

- Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой выгнать, то долго ли испортить. Собака - нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Не него свой дурацкий палец выставять! Сам виноват!..

- Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

- Выдумал! Эдаких у нас охотясь не бывало!

- И спрашивать тут долго нечего, - говорит Очумелов. - Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и все.

- Это не нашё, - продолжает Прохор. - Это генералова брата, что намердись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

- Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? - спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. - Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

- В гости...

- Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцук эдакий...

Прохор зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

- Я еще доберусь до тебя! - грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

1884

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флердоранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком - его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом - его сын.

- Порфирий! - воскликнул толстый, увидев тонкого. - Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

- Батюшки! - изумился тонкий. - Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

- Милый мой! - начал тонкий после лобызания. - Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

- В гимназии вместе учились! - продолжал тонкий. - Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папиросной прожёл, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

- Ну, как живёшь, друг? - спросил толстый, восторженно глядя на друга. - Служишь где? Дослужился?

- Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

- Нет, милый мой, поднимай повыше, - сказал толстый. - Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира...

- Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие, вельможи-с! Хи-хи-с.

- Ну, полно! - поморщился толстый. - Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства - и к чему тут это чинопочитание!

- Помилуйте... Что вы-с... - захихикал тонкий, еще более съеживаясь. - Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

1883

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Автор - 1) биографический автор, писатель (А.С. Пушкин, 1799 - 1837); 2) создатель (творец) произведения литературы, чьи представления о мире и человеке отражаются в произведении (А.С. Пушкин, автор романа «Евгений Онегин»); 3) образ, персонаж, действующее лицо художественного произведения, рассматриваемое в ряду других персонажей.

Антигерой - литературный персонаж, представляющий собою наиболее полное воплощение отрицательных черт и качеств.

Архаизмы - устаревшие слова и выражения, использующиеся, как правило, в «высоком поэтическом» стиле и придающие художественной речи торжественность («Угас, как светоч, дивный гений»). Однако архаизмы могут вносить в текст и иронический оттенок: «Опять я в деревне. Хожу на охоту, // Пишу мои вириши - живется легко...» (Н.А. Некрасов). Архаизмы используются в художественном тексте как лексическое средство художественной выразительности.

Баллада - жанр лиро-эпической поэзии: повествовательная песня или стихотворение относительно небольшого объема, с динамичным развитием сюжета, основой которого является необычайный случай. Часто в балладе присутствует элемент загадочного, фантастического, необъяснимого, недоговоренного, даже трагического. По происхождению баллады связаны с преданиями, народными легендами, соединяют черты рассказа и песни. Баллады - один из главных жанров в поэзии сентиментализма и романтизма.

Басня - малый повествовательный (эпический) жанр: короткий рассказ в стихах или прозе с четко сформулированной моралью, сатирический по направленности, имеющий поучительный смысл. Цель басни - осмеяние человеческих пороков, общественных недостатков. Персонажами басни часто выступают животные, растения и предметы.

Былина (старина) - жанр устного народного творчества: русская народная эпическая песня героико-патриотического содержания. Повествует о подвигах богатырей и отражает жизнь Древней Руси IX-XIII веков. Былина сочетает историческую основу с большой долей условности и вымысла: указаны точное место и время происходящего, среди действующих лиц названы исторические фигуры, но характеры реальных действующих лиц домыслены и обобщены, помимо реальных героев включены вымышленные персонажи (богатыри, Соловей-разбойник, Калин-царь и т. п.).

Быль (бывальщина) - жанр устного народного творчества: рассказ о действительном происшествии, случае, имевшем место в действительности.

Вымысел художественный - средство создания художественных образов: присущая только искусству форма воссоздания и отображения жизни в сюжетах и образах, не имеющих прямой соотнесенности с реальностью. Мера вымысла в произведении может быть различна: существует «установка» на вымысел (сказка), но существуют и документальные произведения, где вымысел исключается.

Героическое сказание - повествование о героях прошлого, их подвигах, важных исторических событиях. Основу героического сказания составляют реальные события, поэтому некоторые литературоведы склонны считать его разновидностью легенд.

Герой литературный - главное или одно из главных действующих лиц в прозаическом или драматургическом произведении, художественный образ человека, являющийся одновременно субъектом действия и объектом авторского исследования.

Гипербола - вид тропа: чрезмерное преувеличение чувств, значения, размера, красоты и т. п. описываемого явления.

Гротеск - вид комического: нарушающее границы правдоподобия изображение людей, предметов или явлений в фантастически преувеличенном, уродливо-комическом виде. Гротеск основан на совмещении реального и нереального, ужасного и смешного, трагического и комического, безобразного и прекрасного. Отличается от прочих разновидностей комического (юмора, иронии, сатиры и т. п. тем, что смешное в нем не отделяется от страшного, что позволяет автору в конкретной картине показать противоречия жизни и создать остросатирический образ.

Действующее лицо - употребляется как синоним понятия «персонаж».

Диалектизмы - слова и выражения, присущие народной речи, местному говору (черевики - туфельки, баз - двор, бирюк - одинокий и угрюмый человек). Диалектизмы используются в художественном тексте как средство художественной выразительности.

Диалог - разговор двух действующих лиц в литературном произведении. Диалог преобладает в драме, но имеет очень большое значение и в эпических произведениях.

Драма - 1) один из трех основных родов литературы, отражающий жизнь в действиях, совершающихся в настоящем. К драматическому роду относятся трагедии, комедии, собственно драма, мелодрамы и водевили. 2) драма в узком смысле слова - один из ведущих жанров драматургии; литературное произведение, написанное в форме диалога действующих лиц. Предназначается для исполнения на сцене.

Жанр литературный - форма, в которой реализуются основные роды литературы: эпос, лирика и драма, характеризующаяся теми или иными общими сюжетными и стилистическими признаками. Различают литературные жанры: в эпосе - роман, повесть, рассказ, очерк, сказка, былина и др., в лирике - стихотворение, ода, элегия и др., в драме - трагедия, комедия, драма и др. Каждому литературному жанру свойственно определенное «жанровое содержание» (тематика, проблематика, масштаб охвата изображаемого мира). Литературный жанр может иметь типологические разновидности (например, роман: социально-психологический, идеологический, роман-эпопея и т. п.

Жаргон - эмоционально и экспрессивно окрашенная речь, отличная от общеупотребительной; ненормативный условный язык какой-либо социальной группы, содержащий много слов и выражений, не входящих в разговорный язык. Разновидности жаргона: великосветский или салонный, студенческий, армейский, воровской, спортивный, молодёжный, семейный и др. Жаргонизмы используются в художественном тексте как средство художественной выразительности.

Завязка - элемент сюжета; событие, послужившее началом возникновения и развития конфликта в художественном произведении; эпизод, определяющий все последующее развёртывание действия.

Загадка - жанр устного народного творчества: иносказательное описание предмета или явления, которые нужно отгадать, например: «Не лаает, не кусает, а в дом не пускает» (замбк).

Заглавие - название, именованье литературного произведения. Обычно в заглавие выносятся либо имя главного героя (тогда он может быть назван заглавным), например «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, либо главная мысль произведения, обозначение основного конфликта и т. п., например «Отцы и дети» И.С. Тургенева.

Ирония - 1) вид комического: осмеяние, содержащее отрицательную, осуждающую оценку того, что критикуется; тонкая, скрытая насмешка. Комический эффект достигается посредством того, что говорится прямо противоположное подразумеваемому. 2) Вид тропа: оборот, в основе которого лежит контраст видимого и скрытого смысла высказывания, создающий эффект насмешки: вопрос «Откуда, умная, бредешь ты, голова?» (И.А. Крылов) обращен к ослу.

Историзмы - устаревшие слова - названия исчезнувших понятий, предметов, явлений: большевик, кулак, опричник и т. д. В художественном произведении историзмы служат для точного воссоздания обстановки прошлого, например: «Густые бандо белокурых волос держались как свои на маленькой головке» (Л. Толстой «Анна Каренина»). Бандо - накладные пряди.

Классицизм - литературное направление, существовавшее в европейской литературе XVII в., в основе которого:

1) признание античного искусства высшим образцом, идеалом, а произведений античности - художественной нормой; 2) принцип рационализма и «подражания природе»; 3) культ разума; 4) активное обращение к общественной, гражданской проблематике; 5) подчеркнутая объективность повествования. Для классицизма характерна также строгая иерархия жанров: высокие (трагедия, эпопея, ода (в них изображаются общественная жизнь, история; действуют герои, полководцы, монархи)); средние (письма, дельчики); низкие (комедия, сатира, басня (предмет изображения - повседневная жизнь обычных людей)). Смешение высокого и низкого жанров не допускалось. Авторы классицистического направления не должны были выходить из круга предписанных стилем образов и сюжетов. Художественное произведение классицизм организуется как искусственное, логически построенное целое, для которого характерны строгая сюжетно-композиционная организация, схематизм. Человеческие характеры обрисовываются прямолинейно; герои строго разделяются на положительных (идеализируются) и отрицательных. Рождение русского классицизма относят к 20 - 30-м гг. XVIII в.

Комедия - один из ведущих жанров драмы: произведение, в основе которого лежит осмеяние общественного и человеческого несовершенства. Различают «комедии положений» (предпочтение отдается событиям), «комедии нравов» (в основе ее - яркое изображение общественных нравов), сатирическую комедию, комедию характеров (источник смешного - характеры людей). Часто возможно слияние тех или иных названных разновидностей комедии.

Комическое - эстетическая категория, отражающая противоречия действительности и содержащая их критическую оценку. В основе комического - противоречие, несоответствие безобразного и прекрасного, ничтожного и возвышенного, реального и идеального и т. п. Виды комического: юмор, ирония, сатира, сарказм, гротеск.

Композиция – 1) расположение, чередование, соотношение и взаимосвязь частей литературного произведения, служащее наиболее полному воплощению замысла художника; 2) композиция - одна из формальных сторон литературного произведения: соответствующее расположение деталей в крупных частях текста и их взаимное соотношение. Композиция обладает содержательной значимостью, её приёмы заметно обогащают смысл изображаемого. Композиция литературного произведения включает своеобразную расстановку персонажей, событий и поступков героев, способов повествования, подробностей обстановки, поведения, переживаний, стилистических приемов, вставных новелл и лирических отступлений. Важнейший аспект композиции – последовательность введения изображаемого в текст, способствующая развёртыванию художественного содержания. Каждое последующее звено в тексте должно что-то приоткрывать читателю, обогащать его какими-то сведениями, тревожить его воображение, чувство, мысль, которые не вызвали той или иной реакции сказанным ранее.

Конфликт - острое столкновение характеров и обстоятельств, взглядов и жизненных принципов, положенное в основу действия художественного произведения. Конфликт выражается в противоборстве, противоречии, столкновении между героями, группами героев, героем и обществом или во внутренней борьбе героя с самим собой. Развитие конфликта приводит к движению сюжетное действие. Конфликт может быть разрешимым или неразрешимым (трагический конфликт), явным или скрытым, внешним (прямые столкновения характеров) или внутренним (противоборство в душе героя). Особое значение как элемент сюжета имеет в драматургических произведениях.

Концовка - устойчивая словесная формула, которой завершаются сказки, былины и другие произведения устного народного творчества: *«Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»* (сказочная концовка); *«Тут ему и славу поют...»* (былинная концовка) и др.

Кульминация - структурный элемент сюжета: вершина конфликта, момент наивысшего напряжения действия, предельного обострения противоречий. Кульминация раскрывает основную проблему произведения и характеры героев наиболее полно, после нее действие обычно ослабевает. Предшествует развязке. В произведениях с множеством сюжетных линий возможно наличие не одного, а нескольких конфликтов.

Легенда - жанр устного народного творчества: рассказ поучительного содержания о выдающемся событии или поступке человека, повествование о необыкновенном, чудесном происшествии, которое воспринимается как достоверное. Легенды разграничиваются по тематике: исторические, топонимические, религиозные, демонологические, бытовые и т. д.

Лиризм - прямое, открытое выражение эмоций, чувств, настроений персонажей и автора в художественном произведении. Лиризм может быть свойством произведения любого рода литературы.

Лирика - один из трёх основных родов литературы, выдвигающий на первый план субъективное изображение действительности: отдельных состояний, мыслей, чувств, впечатлений автора, вызванных теми или иными обстоятельствами, впечатлениями. В лирике жизнь отражена в переживаниях поэта (или лирического героя): о ней не повествуется, а создаётся образ-переживание. Важнейшим свойством лирики является способность передавать единичное (чувство, состояние) как всеобщее. Характерные особенности лирики: стихотворная форма, ритм, отсутствие

фабулы, небольшой размер. Тематически (условно) различают лирику пейзажную, дружескую, любовную, политическую, философскую и т. д. К жанрам лирики обычно относят оду, элегию, эпиграмму, послание, гимн и др.

Лирический герой - наделенный устойчивыми чертами личности, неповторимостью облика, индивидуальной судьбой условный образ человека, который говорит о себе «Я» в лирическом стихотворении; один из способов выражения авторского сознания в лирическом произведении. Лирический герой и автор-создатель произведения – разные понятия.

Лиро-драматический жанр 1) жанр смешанной формы, сочетающий в себе особенности изображения действительности, присущие лирике и драме. 2) Произведение, написанное в форме драмы, но не рассчитанное на сценическое исполнение (так называемая драма для чтения).

Лиро-эпический жанр - жанр, в котором сочетаются черты эпического и лирического родов литературы: лиро-эпическое произведение - сюжетное произведение, повествование о событиях, поступках и переживаниях героев, написанное в стихотворной форме. Лиро-эпический жанр - исторически сложившийся тип художественного произведения, для которого характерны отчетливо выраженные мысли и чувства автора-повествователя, вызванные картинами жизни, характерами и поведением действующих лиц. Малая лиро-эпическая форма - баллада.

Метафора - вид тропа: переносное значение слова, основанное на уподоблении одного предмета или явления другому; скрытое сравнение, построенное на сходстве или контрасте явлений, в котором слова «как», «как будто», «словно» отсутствуют, но подразумеваются.

Разновидностями метафоры:

1) Олицетворение - уподобление живому существу:

Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна (А.С. Пушкин).

2) Овеществление - уподобление предмету:

Гвозди б делать из этих людей: Крепче б не было в мире звездой (Н.С. Тихонов).

Монолог - речь одного человека в художественном произведении, развернутое высказывание одного персонажа или повествователя. Монологи могут быть обращенными к определенному адресату или уединенными (произносимыми в одиночестве вслух или же принимающими форму внутренней речи - внутренний монолог).

Направление литературное - общность идейно-эстетических принципов, свойственных творчеству множества писателей на определенном этапе литературного развития. Принадлежность писателей к одному литературному направлению предполагает общность культурно-эстетической традиции, однотипность миропонимания авторов; единство социальной и культурно-исторической ситуации творчества, схожесть принципов изображения жизни. В русской литературе наиболее значительными литературными направлениями принято считать классицизм, сентиментализм, романтизм, критический реализм, модернизм, социалистический реализм.

Небылица - жанр устного народного творчества: небольшое по объему прозаическое или стихотворное повествование, обычно комического содержания, в основе сюжета которого лежат несообразность, абсурд, изображение перевернутой, нарочито искаженной действительности; сказка, основанная на нарушении

смысловой сочетаемости слов, «перевертыш». Например: *Жил высокий гражданин // Маленького роста...*

Неологизм - новообразованное (или нововведенное в язык) слово или выражение, отражающее появление в жизни людей новых понятий, явлений или усиливающее выразительность речи. Неологизмы образуются как на основе существующих форм, в соответствии с законами языка («О, рассмейтесь, *смехачи*» (В. Хлебников)), так и путем заимствования (тинейджер, брэнд). Неологизмы используются в художественном тексте как лексическое средство художественной выразительности.

Обрядовые песни - жанр устного народного творчества: песни, связанные с различными праздниками или календарными обрядами, сопровождающие, например, свадьбу, сбор урожая, молотьбу, праздник Рождества Христова, масленицу и др.

Ода - жанр лирики, торжественное стихотворение восторженного характера, призванное воспеть какого-либо человека, явление или событие. Например: М.В. Ломоносов «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

Олицетворение - вид тропа: изображение неодушевленных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ (даром речи, способностью мыслить, чувствовать, переживать, действовать), уподобляются живому существу. Например: «Сквозь волнистые туманы // *Пробирается туман*» (А.С. Пушкин).

Пейзаж - описание природы как части реальной обстановки, в которой разворачивается действие, картина природы. Пейзаж может подчеркивать или передавать душевное состояние персонажей, при этом внутреннее состояние человека уподобляется или противопоставляется жизни природы. Пейзаж бывает сельский, городской, индустриальный, морской, исторический (картины прошлого), фантастический (облик будущего) и т.д. В лирике пейзаж обычно имеет самостоятельное значение и отражает восприятие природы лирическим героем или лирическим субъектом.

Персонаж - общее название любого действующего лица литературного произведения. Персонажи подразделяются на главных, второстепенных, эпизодических, внесценических (в пьесах). Иногда термин персонаж употребляется по отношению не к главным, а к второстепенным действующим лицам.

Песня - 1) небольшое поэтическое произведение, предназначенное для пения; 2) жанр лирической или эпической народной поэзии. Происхождение песни связано с древними обрядами и ритуалами. Бытуют эпические и лирические песни. Лирические песни являются своеобразной формой самовыражения народа, передают его эмоции, чувства, переживания. Эпические песни относятся к эпическим жанрам литературы: в них есть сюжет и, как правило, описываются значимые для народа события (победа, подвиги героев и т.п.). Различаются народные (бытовые, свадебные, застольные, солдатские, бурлацкие и т. д.) и авторские песни.

Повесть - средний (между рассказом и романом) эпический жанр, в котором представлен ряд эпизодов из жизни героя (героев). По объёму повесть больше рассказа и шире изображает действительность, рисуя цепь эпизодов, составляющих определённый период жизни главного персонажа, в ней больше событий и действующих лиц, однако, в отличие от романа, как правило, одна сюжетная линия.

Положительный герой - персонаж эпического или драматургического произведения, лирический герой, в образе которого автор воплощает своё представление об этическом и эстетическом идеале.

Пословица - жанр устного народного творчества: вошедшее в речевой обиход законченное меткое образное изречение, применимое к самым разным жизненным ситуациям и имеющее поучительный смысл. По происхождению пословицы делятся на народные (фольклорные) и авторские. Например: «Век живи - век учись»; «Злые языки страшнее пистолета» (А.С. Грибоедов).

Поэма - лиро-эпический жанр: крупное или среднее по объему стихотворное произведение (стихотворная повесть, роман в стихах), основными чертами которого являются наличие сюжета (как в эпосе) и образа лирического героя (как в лирике): например, А.С. Пушкин «Медный всадник». В настоящее время поэмой может называться не только стихотворный текст героического, исторического, лирического или сатирического характера, но и прозаическое произведение, автор которого стремился подчеркнуть масштабность художественного замысла (например: Н.В. Гоголя «Мёртвые души»).

Предание - жанр устного народного творчества: рассказ, повествование о реальных людях и событиях прошлого, сведения о которых необходимо было передать последующим поколениям. Сюжет предания строится на одном эпизоде, как правило, всегда ярком и необычном. Источником предания являются рассказы очевидцев, однако, передаваясь из уст в уста, предание удаляется от фактической первоосновы, подвергается вольной поэтической интерпретации, тем самым сближаясь со сказкой и легендой. По тематике различают исторические (происхождение того или иного народа, история предков и т. д.) и топонимические (о происхождении природных объектов: гор, скал, рек, озер, болот и т. п.; памятников старины: могильников, монастырей и т. п. и их названий) предания.

Проза - 1) один из двух основных способов организации художественной речи (к художественной прозе относят все виды нестихотворной (т.е. не имеющей устойчивой ритмической модели) речи); 2) обычная форма устной и письменной речи.

Пьеса - общее название литературных произведений драматургических жанров (трагедии, комедии, драмы, водевиля и т. д.).

Развитие действия - структурный элемент сюжета: система событий, вытекающих из завязки. По ходу развития действия конфликт обостряется, а противоречия между действующими лицами углубляются и обостряются.

Развязка - структурный элемент сюжета: заключительный эпизод в развитии действия, где описывается разрешение конфликта художественного произведения, даётся указание на возможные пути его решения или обнаруживается его принципиальная неразрешимость.

Рассказ - малый эпический жанр: прозаическое произведение небольшого объема, в котором, как правило, изображаются одно или несколько событий жизни героя. Круг действующих лиц в рассказе ограничен, описываемое действие непродолжительно по времени. Иногда в произведении этого жанра может присутствовать рассказчик.

Реализм - художественный метод в литературе и искусстве, следуя которому, писатель изображает жизнь в соответствии с объективной реальностью. В центре внимания реализма находятся не просто факты, события, люди и вещи, а те закономерности, которые действуют в жизни, взаимоотношения человека и среды, героя и времени, в котором он живет. При этом писатель не отрывается от реальности, с наибольшей точностью отбирает присущие жизни черты и тем самым обогащает читателя знанием жизни. Отбор явлений жизни, их оценка, умение

представить их как важные, характерные, типические — все это связано с точкой зрения художника на жизнь. В основе реалистического метода лежат историзм мышления (видение исторической перспективы, взаимодействие прошлого, настоящего и будущего), социальный анализ (изображение явлений в их конкретной социальной обусловленности), социальная типизация. В XIX в. складывается новый тип реализма — критический реализм. В России его расцвет связан с именами А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Критический реализм по-новому изображает отношение человека и окружающей среды. Человеческий характер раскрывается в связи с социальными обстоятельствами. Предметом глубокого анализа становится и внутренний мир человека. В России XIX век становится периодом интенсивного развития реализма. Особое место в истории русского реализма принадлежит Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому. Именно благодаря им русский реалистический роман приобрел мировое значение. В XX в. реалистическую традицию продолжили И.А. Бунин, А.И. Куприн, В.В. Вересаев и др.

Рифма - одинаковое или сходное звучание концов двух или более стихотворных строк, отмечающее их границы и связывающее их между собой.

Род литературный - исторически сложившийся способ воспроизведения действительности в художественном произведении, которое может либо более или менее объективно отображать окружающий мир, либо выражать состояние говорящего, либо воспроизводить сам процесс общения. Литература в соответствии с этими тремя способами изображения действительности и человеческой личности делится на три рода: эпос, лирика, драма. В пределах каждого рода выделяется множество разных видов (жанров): эпопея, былина, сказка, роман, повесть, поэма, рассказ, очерк, басня, анекдот и т. д. - в эпосе; стихотворение, романс, послание, элегия и т. д. - в лирике; трагедия, комедия, драма и т. д. - в драматическом роде. Существуют также межродовые формы (лиро-эпическая и лиро-драматическая), которые не являются особыми литературными родами, а сочетают в себе особенности изображения, присущие лирике и эпосу (в лиро-эпике), лирике и драме (в лиро-драме).

Роман - жанр эпоса: большое эпическое произведение, в котором всесторонне изображается жизнь людей в определенный период времени или в течение целой человеческой жизни. Характерные свойства романа: многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц; наличие системы равнозначных персонажей; охват большого круга жизненных явлений, постановка общественно значимых проблем; значительная временная протяженность действия. Условно типологию романа можно представить следующим образом: по темам различаются автобиографический, документальный, политический, социальный; философский, интеллектуальный; эротический, женский, семейно-бытовой; исторический; авантюрный, фантастический; сатирический; сентиментальный и др. Кроме того, выделяется роман-эпопея - произведение, в центре художественного внимания которого находится судьба народа, а не отдельного человека (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Роман в стихах - лиро-эпический жанр. Сохраняя все признаки романа, отличается стихотворной формой, которая неразрывно связана с содержанием: Роман в стихах имеет развитый сюжет, систему персонажей, обращен к сложным проблемам взаимоотношений людей, человека и общества, но помимо эпических средств изображения действительности (движение сюжета, развитие характеров и т.

п.) использует лирические средства (стихотворная форма, образ лирического героя, лирические отступления, прямое, открытое выражение чувств и переживаний, отношения автора к героям, особая эмоциональность). Пример романа в стихах – «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

Романс - небольшое стихотворное произведение, предназначенное для сольного пения с аккомпанементом. Для стихотворного текста, положенного в основу романа, характерны напевность, мелодичность, как правило, простой синтаксис. Многие стихотворения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева и др., положенные на музыку, стали известными романсами, например романс «Я помню чудное мгновенье...» М.И. Глинки, написанный на стихи А.С. Пушкина.

Романтизм - творческий метод в литературе и искусстве, сложившийся в конце XVIII - начале XIX в. и получивший широкое распространение как направление (течение) в искусстве и литературе большинства стран Европы. В основе романтического метода лежат общие принципы: субъективная позиция писателя по отношению к изображаемому; стремление к пересозданию действительности, что обуславливает использование в произведениях романтиков фантастики, гротеска, символики, условности и т. п.; выдвигание в качестве героя исключительной личности, одинокой, неудовлетворенной действительностью, мятежной, бунтующей против миропорядка, наделённой стремлением к абсолютной свободе, к недостижимому идеалу, в сочетании с пониманием несовершенства окружающего мира; провозглашение ценности человеческой личности, человеческой индивидуальности. Романтизму свойствен не только отказ от реального мира, от обыденности, но и интерес ко всему экзотическому, сильному, яркому, возвышенному (действие поэм А.С. Пушкина разворачивается в южных странах и в странах Востока, баллад В.А. Жуковского - в фантастическом, вымышленном мире, часто поэты-романтики переносят действие своих произведений в прошлое). Ведущая черта романтизма - переживание разлада с действительностью: романтический герой осознаёт несовершенство мира и людей и в то же время мечтает быть понятым и принятым ими. Время расцвета романтизма в России - 10 - 30-е гг. XIX в. (баллады В.А. Жуковского, лирика и поэмы А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др.).

Сарказм - вид комического: злая, язвительная насмешка, издевка, содержащая уничтожающую оценку лица, предмета или явления, высшая степень проявления иронии. Для сарказма характерна крайняя степень эмоциональной открытости, пафос отрицания, переходящий в негодование: «Ты умрёшь, окружён попечением // Дорогой и любимой семьи // (Ждущей смерти твоей с нетерпением)...» (Н.А. Некрасов).

Сатира - 1) вид комического: способ проявления комического в искусстве, заключающийся в уничтожающем осмеянии явлений, которые представляются автору порочными. Сатира - наиболее острая форма обличения действительности. Если юмор - осмеяние частного (единичного), то сатира, как правило, - осмеяние общего, обличение социально-нравственных пороков и недостатков. Сатирическое начало может присутствовать в произведениях любых жанров: комедиях, фарсах, литературной и народной песенной лирике, рассказах, повестях, романах, анекдотах, пословицах и т. д. 2) Лиро-эпический жанр: поэтическое произведение, в котором резко, язвительно обличаются явления действительности.

Сентиментализм - литературное направление второй половины XVIII в. - нач. XIX в., признающее основой человеческой природы не разум, а чувство. Возник как реакция на жёсткие рамки классицизма. Важнейшее свойство сентиментализма - стремление исследовать человеческую личность в движениях души, мыслях, чувствах, переживаниях. Сентиментализм обращается к изображению частной человеческой жизни. Главными темами сентиментализма становятся любовь, дружба, страдание, противоречия внутренней жизни и т.п. Герой произведений сентиментализма - простой человек, представитель низших сословий, наделенный врожденной нравственной чистотой, богатым духовным миром. Писатели-сентименталисты пропагандировали ценность естественного чувства, органичную связь человека и природы, идеализировали патриархальный быт (прошлое). Основные жанры сентиментализма - сентиментальный роман, повесть, дневник, путешествие, письмо, элегия, послание. Крупнейшими представителями сентиментализма в русской литературе второй половины XVIII в. считаются Н.М. Карамзин, А.Н. Радищев, ранний В.А. Жуковский. Своеобразной визитной карточкой и художественным манифестом русского сентиментализма стала повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Для русского сентиментализма характерен ярко выраженный просветительский характер: присутствие сильной дидактической (поучающей) установки, активное совершенствование литературного языка посредством введения в него разговорных форм. Роль сентиментализма в литературном процессе заключается в утверждении ценности отдельной человеческой личности, демократизации искусства, сближении литературного языка с разговорным. В целом сентиментализм с его субъективным подходом к окружающему миру и человеку подготовил появление романтизма.

Скороговорка - малый жанр устного народного творчества: краткий текст, фраза, построенная таким образом, чтобы произнести её вслух было максимально трудно, особенно при многократном быстром повторении: «Шла Саша по шоссе и сосала сушку».

Стихотворение - лирическое произведение, как правило, небольшого объема, написанное стихами; общее название лирических произведений любых жанров.

Стихотворение в прозе - термин, которым обозначают прозаическое произведение, напоминающее по своему характеру лирическое стихотворение, но лишённое стихотворной организации речи, т.е. поэтическое по содержанию и прозаическое по форме. К произведениям такого рода относятся известные «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева.

Строфа - группа стихов с заданным количеством строк и расположением рифм, обычно повторяющимся в других таких же группах. В большинстве случаев строфа представляет собой законченное синтаксическое целое. Виды строф: двустишие, трёхстишие, четверостишие, пятистишие, шестистишие, семистишие, восьмистишие. Кроме того, различают устойчивые формы строф, традиционно связанные с определенным жанром: балладная строфа, одическая строфа, лимерик и др.

Сюжет - событие или совокупность событий в эпических и драматических произведениях, развитие которых позволяет писателю раскрыть характеры героев и суть изображаемых явлений в соответствии с авторским замыслом. В основе сюжета лежит конфликт. В сюжете обычно выделяют такие структурные элементы, как завязка, развитие действия, кульминация и развязка.

Тип - художественный образ человека, в индивидуальных чертах и поведении которого воплощены свойства, присущие людям той или иной эпохи, социальной среды, общественной группы, национальности и т.п. Как вид художественного обобщения типизация характерна прежде всего для реализма. Например, русской литературой XIX в. были открыты тип маленького человека (Акакий Акакиевич Башмачкин в «Шинели» Н.В. Гоголя), лишнего человека (Печорин в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова) и др.

Трагедия - один из основных жанров драмы; пьеса, в которой изображаются крайне острые, зачастую неразрешимые жизненные противоречия. В основе сюжета трагедии - непримиримый конфликт героя с судьбой, государством, стихией или с самим собой. В этой борьбе герой, как правило, погибает, но одерживает нравственную победу. Цель трагедии - вызвать в зрителе потрясение увиденным, что, в свою очередь, рождает в их сердцах скорбь и сострадание.

Трагикомедия - один из жанров драмы, совмещающий в себе признаки трагедии и комедии: в частности, в трагикомедии герою нередко грозит катастрофа, но он остаётся в живых.

Трагическое - эстетическая категория, обозначающая принципиальную неразрешимость конфликта в художественном произведении, трагическое противостояние личности и мира влечет за собой гибель или тяжелейшие страдания героя, достойного глубокого сочувствия и уважения. Однако эта гибель вызывает не только отчаяние, но и просветление, возвышает душу читателя. Трагическое может быть свойственно произведению любого жанра.

Трилогия - произведение, состоящее из трёх самостоятельных, имеющих особые заглавия частей, которые объединяет общий замысел, а также, как правило, персонажи, переходящие из одной части в другую, например: «Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Н. Толстого.

Устное народное творчество - различные виды непрофессионального словесного творчества, создаваемые коллективным автором (народом) и бытующие в устной форме. Основные признаки устного народного творчества: устная форма существования (произведения не записывались, а передавались из уст в уста), вариативность (многократное исполнение сказок, песен, былин и т. п. различными исполнителями приводило к созданию множества вариантов одного и того же произведения).

Фабула - цепь, череда событий в эпическом или драматическом произведении, положенная в основу сюжета.

Фантастика - вид художественной литературы, основанный на особом фантастическом типе образности, для которого характерны: высокая степень условности, нарушение норм, логических связей и законов реальности, установка на вымысел, создание вымышленных, «чудесных» миров. Фантастика лежит в основе мифов, русских сказок и былин, фольклора разных народов, писатели обращались к фантастике с древнейших времен до современности (баллады В.А. Жуковского, «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина, «Вий» Н.В. Гоголя и др.). Как элемент художественного текста или художественный прием фантастика может иметь место в произведениях любых жанров и направлений.

Финал - элемент композиции произведения: его завершающая часть, подводящая итоги сюжетного действия.

Цикл - ряд художественных произведений, как правило, одного жанра, объединённых общей темой, действующими лицами, общим повествователем, но сохраняющих относительную самостоятельность и вне цикла.

Цитата - дословно приведённое автором чужое высказывание, включённое в собственный текст.

Частушка - жанр устного народного творчества: короткие рифмованные песенки на бытовые, любовные, социальные и др. темы, нередко шутливо или иронически оценивающие то или иное жизненное явление.

Экспозиция - часть литературного произведения, обычно предшествующая завязке и содержащая сведения о персонажах, месте и времени действия, описание обстоятельств, имевших место до его начала. Однако не во всех произведениях есть экспозиция.

Элегия - жанр лирики: стихотворение медитативного (углубленное размышление) или эмоционального содержания, передающее глубоко личные, интимные переживания человека, как правило, проникнутые настроениями грусти, светлой печали. Чаще всего написано от первого лица. Наиболее распространенные темы элегии - созерцание природы, сопровождающееся философскими раздумьями; любовь, как правило, неразделенная; жизнь и смерть и др. Наибольшей популярностью этот жанр пользовался в поэзии сентиментализма и романтизма, особую известность получили элегии В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и др.

Эпиграмма - короткое сатирическое стихотворение, высмеивающее какое-либо лицо или содержащее отклик на злободневные события общественной жизни.

Эпиграф - короткий текст (как правило, поэтическая или прозаическая цитата, афоризм, пословица или поговорка), предпосланный произведению или его части и призванный прояснить авторский замысел, указать на основную идею художественного текста.

Эпизод - относительно целостная и самостоятельная часть (фрагмент) эпического, лиро-эпического или драматического произведения, которая изображает завершённое во времени событие, некий законченный момент действия в произведении.

Эпилог - часть текста художественного произведения, выходящая за границы сюжета: рассказ автора о том, что произошло с действующими лицами после развязки.

Эпитет - образное определение, подчеркивающее какое-либо свойство предмета или явления, обладающее особой художественной выразительностью. Например: железная выдержка, серебряный голосок. Эпитет обычно выражен прилагательным, причастием, наречием или существительным в роли приложения.

Эпопея - самая крупная жанровая форма эпоса.

Различают: 1) древние фольклорные эпопеи разных народов - произведения на мифологические или исторические сюжеты, рассказывающие о героической борьбе народа с силами природы, иноземными захватчиками, колдовскими силами и т. п., что предполагает широкое использование в этих произведениях фантастики и вымысла (например, древнегреческая «Илиада» и др.); 2) роман (или цикл романов), изображающий большой период исторического времени или значительное, судьбоносное событие в жизни нации (война, революция и т. д.). Для эпопеи характерны: широкий географический охват, отражение жизни и быта всех слоёв общества, народность содержания («Война и мир» Л.Н. Толстого).

Эпос - 1) один из трех основных родов литературы, в отличие от лирики и драмы, выдвигающий на первый план объективное изображение действительности, авторское описание событий, развертывающихся в пространстве и во времени, повествование о различных явлениях жизни, людях, их судьбах, характерах, поступках и т. д. Особую роль в произведениях эпических жанров играет носитель повествования (автор-повествователь или рассказчик), сообщающий о событиях, их развитии, о персонажах, об их жизни, при этом отделяющий себя от изображаемого. В зависимости от временного охвата событий различают крупные жанры эпоса - эпопея, роман, эпическая поэма, или поэма-эпопея; средние - повесть и малые - рассказ, новелла, очерк. К эпическому роду относят также некоторые жанры устного народного творчества: сказка, былина, басня. 2). В устном народном творчестве совокупность эпических песен, сказаний, древние фольклорные эпопеи разных народов, например: русский былинный эпос и др.

Юмор - вид комического: способ проявления комического в искусстве, заключающийся в добродушной насмешке; смех, имеющий своей задачей не обличение, а указание или намёк на недостатки, которые не носят характера пороков.

Явление - часть текста (акта) драматургического произведения, в которой состав действующих лиц остаётся неизменным. Деление на явления перестало быть обязательным в драматургии конца XIX - начала XX в. (в пьесах А.П. Чехова и др.).

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Определите жанр фольклора:
Труд человека кормит, а лень портит.
А) скороговорка; В) пестушка;
Б) прибаутка; Г) поговорка
2. Установите соответствие:
А) сказка о животных 1) Морской царь и Василиса Премудрая.
Б) волшебная сказка 2) Солдат и пельмени
В) сатирико-бытовая сказка 3) Курочка, мышка и тетерев
3. Одной из первых древнерусских летописей (исторических хроник) является:
А) Слово о полку Игореве; В) Шестоднев;
Б) Повесть временных лет; Г) Хождение богородицы по мукам
4. К какому жанру лирики относится стихотворение А.С. Пушкина «19 октября»?
А) любовная лирика; Б) дружеская лирика;
Б) гражданская лирика; Г) философская лирика
5. Кому посвятил следующие строки А.С. Пушкин?
*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*
А) Наталье Гончаровой; В) Александре Осиповой;
Б) Екатерине Воронцовой; Г) Анне Керн
6. К какому жанру относится «Евгений Онегин»?
А) поэма; В) эпопея;
Б) роман; Г) роман в стихах
7. Определите жанр фольклора:
Сшит колпак да не по-колпаковски, переколпаковать бы колпак да не выколпаковали.
А) скороговорка; В) пестушка;
Б) прибаутка; Г) поговорка
8. Установите соответствие:
А) сказка о животных 1) Барин и плотник
Б) волшебная сказка 2) Волк и коза

В) сатирико-бытовая сказка

3) Иван-царевич и серый волк

9. Укажите произведение, в котором рассказывается о феодальной раздробленности Древней Руси, а также о поражении русского войска в битве со степными кочевниками (половцами):

А) Слово о полку Игореве;

В) Шестоднев;

Б) Повесть временных лет;

Г) Сказание о Мамаевом побоище

10. Основоположником русского классицизма был:

А) Н.М. Карамзин;

В) М.В. Ломоносов;

Б) А.С. Пушкин;

Г) В.А. Жуковский

11. К какому жанру лирики относится ода А.С. Пушкина «Вольность»?

А) любовная лирика;

В) дружеская лирика;

Б) гражданская лирика;

Г) философская лирика

12. Как называется стихотворение А.С. Пушкина, строки из которого приведены ниже?

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.*

А) ...Я памятник себе воздвиг
нерукотворный;

В) Пророк;

Б) Вольность;

Г) 19 октября

13. Из какого стихотворения М.Ю. Лермонтова следующие строки?

*Погиб поэт! - невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..*

А) Родина;

В) Прощай, немытая Россия;

Б) Узник;

Г) Смерть поэта

14. На смерть какого поэта было написано стихотворение М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта»?

А) В.А. Жуковский;

В) А.С. Пушкин;

Б) Г.Р. Державин;

Г) Н.А. Некрасов

15. Стихотворение «Смерть поэта» относится к:

*Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперила изумленный:
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.*

А) Сабуровой С.И.;
Б) Сушковой Е.А.;

В) Ивановой Н.Ф.;
Г) Лопухиной В.А.

21. Следующие строки М.Ю. Лермонтова (стихотворение «Ребенку») посвящены

*О если б знало ты, как я тебя люблю!..
Не правда ль, говорят,
Ты на неё похож? — Увы! Года летят;
Страдания её до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной...*

А) дочери Сабуровой С.И.;
Б) дочери Сушковой Е.А.;

В) дочери Ивановой Н.Ф.;
Г) дочери Лопухиной В.А.

22. Сюжет какого произведения Н.В. Гоголя был подсказан А.С. Пушкиным?

А) Вечера на хуторе близ
Диканьки;
Б) Шинель;

В) Мёртвые души;
Г) Вий

23. Сюжет комедии «Ревизор» был подсказан Н.В. Гоголю:

А) Н.А. Некрасовым;
Б) А.С. Пушкиным,

В) В.А. Жуковским;
Г) И.А. Гончаровым

24. Повесть «Шинель» Н.В. Гоголя входит в :

А) сборник «Петербургские
повести»;
Б) сборник «Вечера на хуторе близ
Диканьки»;

В) сборник «Миргород»;
Г) является самостоятельным
(отдельным) произведением

25. Основной темой повести «Шинель» Н.В. Гоголя является (правильных ответов может быть несколько):

А) тема конфликта человека с
окружающей средой;
Б) тема «маленького человека»;

В) тема протеста против
социальной несправедливости;
Г) тема обездоленных и
униженных

В) «Три сестры»;

Г) «Вишневый сад»

34. Впечатление о быте каторжников и о тюремном и чиновничьем произволе легли в основу книги:

А) «По Сибири»;

В) «Палата №6»;

Б) «Остров Сахалин» ;

Г) «Человек в футляре»

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ОТВЕТЫ К ЗАДАНИЯМ

- 1) Г) поговорка
- 2) А-3; Б-1; В-2
- 3) Б
- 4) В
- 5) Г
- 6) Г
- 7) А
- 8) А-2; Б-3; В-1
- 9) А
- 10) В
- 11) Б
- 12) В
- 13) Г
- 14) В
- 15) В
- 16) Г
- 17) В
- 18) Г
- 19) В
- 20) В
- 21) Г
- 22) В
- 23) Б
- 24) А
- 25) Б; В; Г
- 26) Б
- 27) В
- 28) В
- 29) Г
- 30) В
- 31) А
- 32) А
- 33) Г
- 34) Б

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. - М., 1957.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3-х т. /Подгот. текста и примеч. В.Я. Проппа. - М., 1957; М., 1958.
3. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Паритет, 2007
4. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. М., 1975.
5. Гоголь Н.В. Петербургские повести. – М.: Де Агостини. 2011.
6. Гудзий Н.К. История древней русской литературы: Учебник / Н.К. Гудзий. Вступ. ст. и коммент. А.М. Ранчина. – М.: Аспект Пресс, 2003.
7. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. – М.-Л., 1962.
8. Жуковский В.А. Стихотворения и баллады. – М.: Детская литература, 2014.
9. История русской литературы. В 4-х томах. - Л., 1982.
10. История русской литературы XIX века. 40-60-е годы. Под ред. В.Н. Аношкиной и Л.Д. Громовой. – М., 1998.
11. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. – М.: Правда, 1980.
12. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. М., 1977.
13. Кусков, В.В. История древнерусской литературы / В.В. Кусков. – М.: Высш. школа, 2003.
14. Лермонтов М.Ю. Сочинение в 2 т. Т. 1 / Сост. и комм. И.С. Чистовой, вст. ст. И.И. Андронникова. – М.: Правда, 1988.
15. Лермонтов М.Ю. Сочинение в 2 т. Т. 2 / Сост. и комм. И.С. Чистовой, вст. ст. И.И. Андронникова. – М.: Правда, 1988.
16. Некрасов Н.А. Стихотворения. – М.: Детская литература, 2013.
17. Орлов П.А. История русской литературы XVIII века. М., 1991.
18. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах / А.С. Пушкин. – М.: ООО «Де Агостини» 2011.
19. Пушкин А.С. Стихотворения и поэмы. – Мн.: Мастац. літ., 1978.
20. Русские народные загадки, пословицы, поговорки./ Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Ю.Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1990.
21. Русские писатели. Библиограф. слов. [В 2 ч.] Ч. 1. А/Л / Редкол.: Б.Ф. Егоров и другие, под ред. П.А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990.
22. Русские писатели. Библиограф. слов. [В 2 ч.] Ч. 2. М/Я / Редкол.: Б.Ф. Егоров и другие, под ред. П.А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990.
23. Слово о полку Игореве / Вступ. статья и подготовка древнерус. текста Д. Лихачёва; Сост. и коммент. Л. Дмитриева. – М.: Худож. лит., 1985.
24. Толстой Л.Н. После бала. – М.: Изд-во «ЭКСМО», 2014.
25. Тургенев И.С. Записки охотника: Рассказы. – Мн.: Ураджай, 1979.
26. Тютчев Ф.И. Избранное. – М.: Де Агостини, 2012
27. Фёдоров В.И. История русской литературы XVIII века. М., 1991.
28. Фет А.А. Стихотворения. – М.: Изд-во «ЭКСМО», 2012.
29. Чехов А.П. Повести и рассказы: / [Сост. П.З. Шевцов]. – Мн.: Мастац. літ., 1979.